

КРЕСТЬЯНКА

№ 1
ЯНВАРЬ
1955

Славу мудрой Партии поем!

Музыка Ваню МУРАДЕЛИ

Слова Л. КОНДЫРЕВА

Торжественно, величаво

Зна_ме_ на шумят ве_ли_ча_ным прибо_ем, От_чи_з_на тру_да и зо_бия пол_на.

Нет_креп_че на свете колхоз_ного строя, бо_га_та ве_ли_кая на_ша ст_ра_на.

зна_ме_на шумят ве_ли_чавым прибо_ем, От_чи_зна тру_да зо_бия пол_на. Нет_креп_че на свете колхозного строя, Бо_гата ве_ли_кая на_ша ст_рана.

Цветет, как сад, любимая От_чи_зна, и ра_дость вхо_дит в каждый дом.

Цветет, как сад, как сад От_чи_зна, ра_дость вхо_дит в каждый дом.

Жиз_ни вхо_дит в каждый дом. Го_рят над на_ми зо_ри ком_му_ни_зма.

вхо_дит в каждый дом

мы славу мудрой Пар_тии по_ем!

Знамена шумят величавым прибоем,
Отчизна труда изобилья полна.
Нет крепче на свете колхозного
строя,
Богата великая наша страна.

ПРИПЕВ:

Цветет, как сад, любимая Отчизна,
И радость жизни входит в каждый
дом,
Горят над нами зори коммунизма,
Мы славу мудрой Партии поем!

Родная земля во владенье народу
Советскою властью навечно дана.
Нет крепче союза полей и заводов,
Сильна необъятная наша страна.

ПРИПЕВ.

Поднять целины предстает нам
немало,
Грядущих побед мы взрастим семена.
Нет Партии крепче, что нас
воспитала,
Свободна счастливая наша страна.

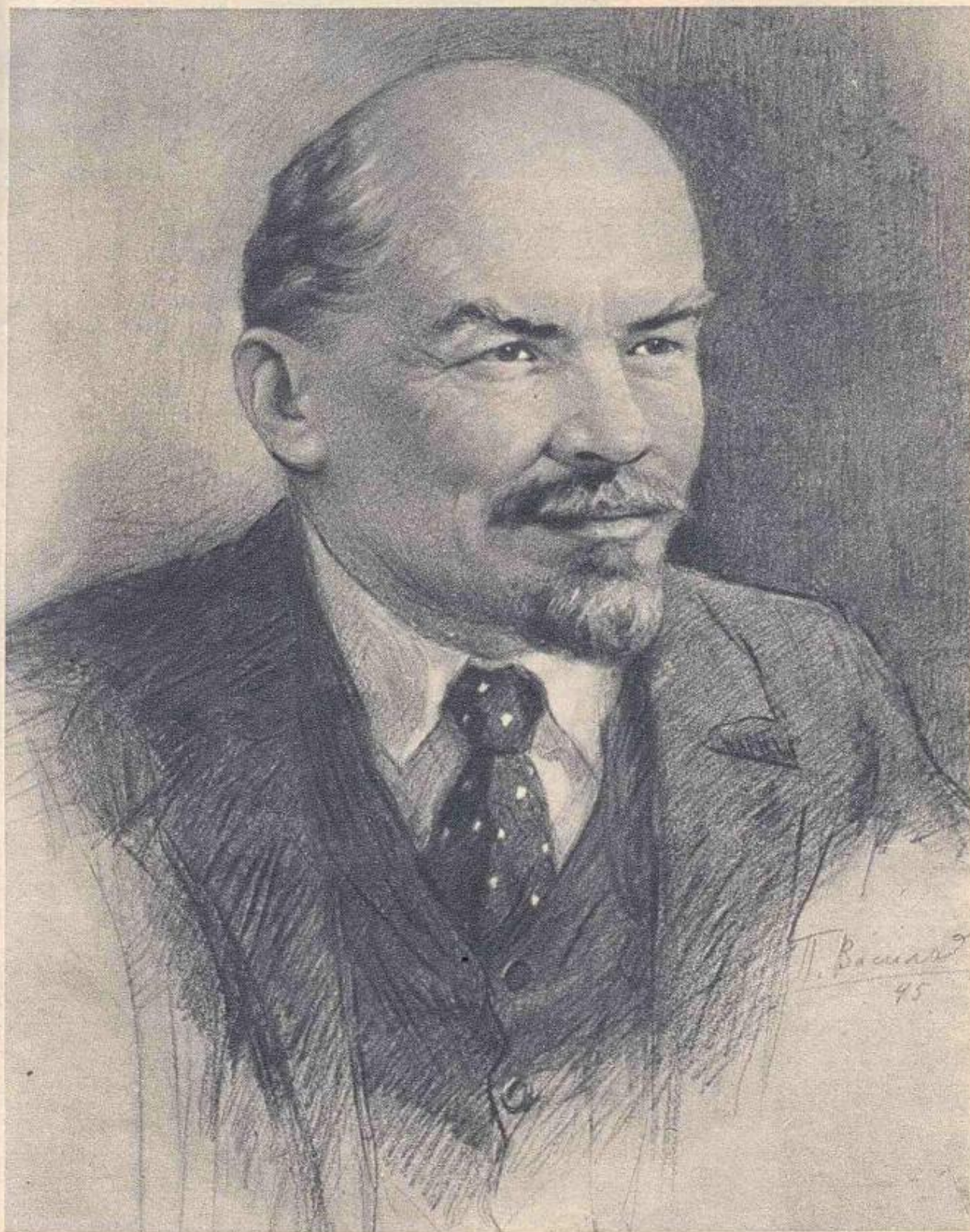
ПРИПЕВ.

КРЕСТЬЯНКА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

33-й ГОД ИЗДАНИЯ. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА».

№1
ЯНВАРЬ
1955

Владимир Ильич ЛЕНИН.

С рисунка художника П. Васильева.

ВЕЛИКАЯ ШКОЛА

ВОСЕМНАДЦАТЬ лет существует Центральный музей В. И. Ленина, и все эти годы непрерывным потоком идут по его залам люди. Около 14 миллионов человек побывали в музее. Сюда приходят в одиночку, семьями, с экскурсиями. Пионеры проводят здесь прием в члены детской коммунистической организации имени В. И. Ленина.

Многочисленные экскурсии колхозников посещают музей. Вот идет по его залам одна из таких экскурсий. В ее составе колхозники и колхозницы из Белгородской, Орловской, Днепропетровской областей. На время полевых работ они выезжали в Сибирь, на целину, а теперь через Москву возвращаются домой. Из короткого времени пребывания в столице выкроили часы для посещения музея.

Экскурсовод музея особенно подробно рассказывает колхозникам о том, какое значение придавал Ленин крестьянскому вопросу, как укреплялся боевой союз крестьян с самым революционным классом — с рабочими.

Вот в первом зале выставлена самая ранняя работа Владимира Ильича. Она посвящена изучению положения крестьян в России и называется «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни». Рядом с этой работой стоят в витринах книги, которые прочитал Ленин, готовясь к своему печатному выступлению. Но не из одних только книг знал молодой, двадцатитрехлетний Владимир Ульянов о положении крестьян. Была уже за плечами ссылка в деревню Кокушкино под Казанью, где Ленин сам наблюдал крестьянскую жизнь. Он не раз сталкивался с трудной крестьянской долей и тогда, когда жил на хуторе близ деревни Алакаевки, Самарской губернии, или когда работал помощником присяжного поверенного в Самарском окружном суде, где выступал защитником трудовых людей.

Во втором зале музея экскурсанты видят книгу Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Она была написана Лениным в 1894 году, и в ней Ленин впервые выдвинул идею революционного союза рабочих и крестьян как главного средства свержения царизма, помещиков, буржуазии.

В этой книге Ленин определил роль рабочего класса России как передовой революционной силы общества, определил роль крестьянства как союзника рабочего класса.

В лице молодого Ленина царское правительство увидело серьезнейшего противника. В витрине музея лежат предписания царским ищейкам следить за Лениным. Ленин уехал за границу — слежка продолжается и там. Царские ищейки доносят, что Ленин купил билет до Вильно, но в городе не могут его обнаружить. А Ленин в это время в Вильно налаживает перевозку нелегальной литературы из-за границы в Россию.

В конце 1893 года Ленин переезжает в Петербург, где вскоре становится признанным руководителем петербургских марксистов. В 1895 году Ленин объединил все рабочие марксистские кружки в один «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Этим он подготовил создание революционной марксистской рабочей партии.

В декабре 1895 года Ленин был арестован царским правительством.

На фотографии экскурсанты видят камеру № 193 в Петербургском доме предварительного заключения, где Ленин провел 14 месяцев. Но и из-за тюремной решетки продолжает Ленин руководить делом революции.

Рядом с фотографией одиночной камеры выставлены в музее письма, листовки, статьи, написанные Лениным в тюрьме. Молоком между строк медицинской книги писал Ленин. Эта книга передавалась из камеры на волю. В тюрьме написал Ленин среди других работ «Проект и объяснение программы социал-демократической партии», куда входили и требования в пользу крестьян. В тюрьме Ленин начал работать и над большим трудом «Развитие капитализма в России», который закончил уже в сибирской ссылке.

...Дом Зырянова, дом Петровой в селе Шушенском, Енисейской губернии (теперь Красноярский край), — маленькие крестьянские домики, где жил Ленин. Кругом на сотни верст безлюдные, пустые места. Но и оттуда доходило могучее слово Ленина.

...Экскурсия идет из зала в зал. Залы, посвящен-

ные революции 1905 года, которую Ленин назвал генеральной репетицией Октября. И Ленин показал, почему она была только репетицией, почему она не победила. Не было еще прочного союза рабочих и крестьян против царизма. Крестьяне поддержали рабочих, но поддержали поздно. Диаграмма, сделанная по материалам книги Владимира Ильича, показывает, что вершина революционной борьбы рабочих приходится на 1905 год, а наибольшее число крестьянских волнений произошло позже — в 1906 году. Действовали разновременно — и потому царским властям удалось подавить поодиночке сначала рабочих, потом крестьян.

Выступать вместе, выступать в тесном союзе — к этому призывала рабочих и крестьян основанная Лениным партия. Залы музея показывают, как партия крепила этот союз и в годы реакции, наступившие после поражения первой революции, и в годы нового подъема революционного движения, и в годы первой мировой войны, когда рабочие и крестьяне, одетые в солдатские шинели, вместе страдали в окопах, куда их загнали защищать интересы помещиков и капиталистов. В едином, тесном союзе выступили рабочие и трудящиеся крестьяне в октябре 1917 года — и победили!

Правительство победившего народа возглавил Ленин. В музее выставлены первые декреты, подписанные Лениным через несколько часов после Октябрьского переворота. Это были декреты о том, о чем больше всего думал народ: декрет о мире, о прекращении войны и декрет о земле, об объявлении ее собственностью народа.

Власть была завоевана, но предстояло разрешить задачу еще большей трудности — построить новое, социалистическое общество. Ленин всегда учил, что только народ делает историю, что революционеры могут только указать народу правильный путь, правильно организовать его на решение необходимых задач, но эти задачи в состоянии разрешить только народ. Ленин говорил: «В народной массе мы все же капля в море, и мы можем управлять только тогда, когда правильно выражаем то, что народ сознает. Без этого коммунистическая партия не будет вести пролетариата, а пролетариат не будет вести за собой масс, и вся машина развалится».

И партия, следуя этим указаниям Ленина, будила, воспитывала, звала вперед народные массы, приобщала их через Советы, через комитеты крестьянской бедноты, через профсоюзы к активной государственной и общественной деятельности. Многочисленные фотографии, картины и другие материалы музея отображают неразрывную связь Владимира Ильича с народом. Всюду Ленин в самой гуще народа, всегда окружен представителями народных низов, разговаривает с ними, советует им, советуется с ними. Вот картина, изображающая Ленина, когда в апреле 1917 года он возвращается в Россию. Он едет в набитом солдатами вагоне и с горячим увлечением беседует с солдатами. Вот вскоре после революции Ленин выступает на Путиловском заводе перед огромной 40-тысячной рабочей массой. В те годы по несколько раз в день слуша-

В. И. Ленин произносит речь на Красной площади в Москве. Май 1919 года.

лось выступать Владимиру Ильичу перед самыми широкими собраниями трудящихся. Ленин всегда обращается за советом к народу. Так было, когда нэп сменил политику военного коммунизма, при котором государство вынуждено было изымать у крестьян излишки продовольствия. Партия заменила продразверстку твердым продналогом. Перед этим Ленин проводил совещания с крестьянами, принимал ходяков. И в проекте решения о введении продналога так и было записано: «Удовлетворить желание беспартийных крестьян о замене разверстки (в смысле изъятия излишков) хлебным налогом».

После того как победно была окончена война с белогвардейцами и интервентами, Ленин разработал научно обоснованную программу превращения экономически отсталой России в передовую могучую социалистическую державу. Внимание экскурсантов привлекает в музее большая карта электрификации. На ней сначала редкими точками загораются огоньки, показывающие дореволюционные электростанции. Потом зажигаются огоньки другого цвета — те, что построены по ленинскому плану. А потом карта покрывается густым красным узором красных точек — так будет выглядеть электрификация страны к концу пятой пятилетки.

Ленин мечтал о том, чтобы дать крестьянам 100 тысяч тракторов. Теперь их больше миллиона. Ленин мечтал покончить с мелким крестьянским хозяйством. Ленинский план кооперации — объединения крестьянских хозяйств успешно выполнен. Следуя ленинским заветам, советский народ под руководством партии, созданной и выпестованной Лениным, добился всемирно-исторических побед, построил социализм и успешно строит коммунизм.

Несколько залов музея посвящено последнему периоду жизни Ленина. Владимир Ильич налаживает работу государственного аппарата Советского государства и ведет жестокую борьбу за искоренение в советских учреждениях бюрократизма — этого злейшего врага, который угрожает свести на нет многие достижения советского строя. Он требует, чтобы аппарат работал четко, экономно, дисциплинированно. Особо обращает внимание Ленин на жалобы трудящихся. Он предписывает управделами Совета Народных Комиссаров незамедлительно докладывать ему лично все жалобы, поступающие на правительственные учреждения. Письменные жалобы докладывать в течение 24 часов, устные — 48 часов. Ленин предупреждает, что при расхлябанности государственного аппарата «дело управления принимает характер мнимый, призрачный. Самое существование Советской республики становится шатким, «строительство коммунизма» — звонкой фразой». Ленин борется за строжайшую экономию во всех без исключения де-

лах. В музее висит распоряжение Владимира Ильича об объявлении строгого выговора управляющему делами Совнаркома за самовольное повышение заработной платы ему, Ленину.

Ленин горячо поддерживает ростки нового, коммунистического отношения к труду — коммунистические субботники, соревнование. Ленин ведет упорную борьбу за единство партии, выступает против тех, кто хочет единую партию разбить на группки, фракции, кто уводит партию от задач строительства социализма.

Ленин находит время, чтобы позаботиться о рядовых людях. Вот записка Ленина в Народный комиссариат здравоохранения, чтобы помогли приобрести очки крестьянину Ивану Афанасьевичу Чекунову; вот записка о том, чтобы было оказано содействие во всем крестьянину Алексею Романовичу Шапошникову, вызванному в Москву «для беседы и совета по важному делу, касающемуся крестьянского хозяйства».

С благоговением рассматривают экскурсанты эти ленинские записки.

Вот ленинский кабинет. Простой, скромный, деловой. Географические карты, книги, телефоны. Последний раз сюда приехал Ленин 19 декабря 1923 года. В этот день он побывал и на первой сельскохозяйственной выставке. Здоровье больше не позволило ему приезжать в Москву из Горок, где он провел свои последние дни.

Всю жизнь Владимир Ильич нес на своих плечах гигантскую нагрузку. Здоровье его было подточено арестами, ссылками и вот этими двумя пулями, следы которых видят экскурсанты на ленинском пальто, заштопанном руками Надежды Константиновны Крупской после злодейского покушения на Владимира Ильича.

Последний зал музея — траурные флаги, венки, обращение Центрального Комитета партии, начинающееся словами: «Умер человек, который основал нашу стальную партию...», тысячи телеграмм, писем, заканчивавшихся одной мыслью, которую хорошо выразил Маяковский:

Вечно будет ленинское сердце
Клокотать у революции в груди.

Со ступеней музея виден Кремль, хранящий память о Владимире Ильиче, рядом — Красная площадь и Мавзолей, где покоится Ленин и его верный ученик Сталин. А кругом шумит и бурлит Москва, великая столица основанного Лениным Советского государства.

И, выйдя из музея, глядя на картины кипучей народной жизни, на поток людей, входящих в музей, повторяешь слова:

Ленин жил,
Ленин жив,
Ленин будет жить!

И. АГРАНОВСКИЙ

Колхозницы на экскурсии в Музее В. И. Ленина.

На снимке — звено Е. Туровой (слева направо): Е. Турова, А. Полова, А. Глазырина, Л. Ложкина и А. Орлова.

Трикамский лен

Евдокия ТУРОВА

Фото П. Катаева.

ПОДБИРАЛА я в свое звено только тех, кто любит лен, кого тянет на льняное поле. Старенькая Меланья Семеновна Ложкина сказала: «По охоте в звено иду, хоть маленько тебе помочь». А ведь ей семьдесят лет.

В прикамском селе Перевозном издавна сеяли лен, но понемногу. Еще недавно в колхозе «Новая жизнь» лен занимал пятнадцать гектаров, а сейчас семьдесят. Да и урожаи стали другие. Если раньше собирали с гектара по три — четыре центнера семян и столько же волокна, то ныне берем до десяти центнеров волокна и около девяти центнеров семян.

Приглашают меня в другие колхозы поделиться опытом работы звена. Люди дивятся нашим урожаям, доходам, а я доказываю: нет тут ничего чудесного и секретного, лен капризен, требует умелого ухода и большой заботы, а работать сейчас куда легче — сколько машин пришло к нам на подмогу!

Мы о льне заботимся круглый год. Но зато как радостно, когда поднимется он до метровой высоты. А какая красота, когда цветет лен! Словно синяя река разливается...

Работы наши начинаются уже с осени. Выберем мы по возможности добрый пласт целины или многолетней залежи, и тракторы с плугами и предплужниками поднимают его под зябь на глубину

20—22 сантиметра. Глубже нельзя: подзол вывернешь — урожай снизится.

Всю зиму собираем мы удобрения. А как только стает снег, вносим их в землю. Тут и печная зола, и хорошо измельченный, просеянный куриный помет, и гранулированный суперфосфат.

Вот поспела и почва. Возьмешь комок земли в руки, бросишь, а он рассыпается. Пошли по полям дисковые бороны, а за ними бороны «зиг-заг», «шлейфы» рыхлят и заравнивают почву, а следом сеялки. Тут уж звеньевая смотри в оба. Нельзя заделывать глубже, чем на полтора — два сантиметра, иначе семя не пробьется, не взойдет. Слежу я за нормой высева — сто сорок килограммов на гектар. Если дать больше нормы, лен может полечь, волокно будет низкого качества, семя щуплое; меньше дать — семян будет много, но волокно получится грубое, незластичное. Семена у нас хорошие, проверенные на всхожесть, выбранные с наилучших прошлогодних участков. Раньше мы разводили сорт «Прядильщик», а теперь перешли на сорт «806/3»: и жары не боится и стеблестой высокий.

Когда лен выходит в «елочку», начинаем мы его подкармливать. Не раз придешь на поле, смотришь за каждым участком. Где слабо развивается, даем побольше азота, а калием подкармливаем все посева, чтобы стебель был устойчивой и семя

полновесней. Если появилась блошка, опыляешь ДДТ. А сколько труда уходит на прополку, сколько раз льну поклониться — спина заболит! Отдохнешь малость и опять дергаешь: сурепку, осот, полынь. Затемно домой идем, зато поле у нас чистое, без сорняков.

Бывает, что лен не требует неделями работы. Звено мое уходит на покос и другие работы в колхозе.

Вот и ранняя желтая спелость. Снова в сборе мое звено. В первые два дня мы производим теребление выборочно, вручную на уже созревших участках. Если промедлишь с уборкой, лен даст плохое волокно, да и семя сильно вытечет. И опять зорко следишь за участками. Помнится, в 1953 году летом стояла жара, и, чтобы не высыпалось семя, мы связали лен в небольшие снопы в ночное время, когда головки льна немного увлажнены. Потом лен просушили и быстро обмолотили.

Зато как весело у нас бывает в праздник урожая! Собираемся мы всем звеном и поем любимые песни прикамских льноводок.

...На другой день после праздника опять работа: расстил льносоломки. Выбираем мы для расстила ровные луга, с плотным травостоем, стараемся расстилать лен равномерно. Недаром говорится в пословице: «Лен на стлище второй раз родится». Важно правильно рассортировать его по длине и толщине стеблей. Это улучшает качество волокна.

Мы сдаем много льноволокна государству высокими номерами и оплату за него получаем в полуторном и двойном размере. Так, например, наш колхоз «Новая жизнь» получил в 1953 году 2 миллиона 622 тысячи рублей, из них за лен — 1 миллион 760 тысяч.

Я получила около 11 тысяч рублей, причем 7 тысяч — это дополнительная оплата. Кроме того, на трудодни нам колхоз выдал хлеба, мяса, подсолнечного масла, сена и соломы для скота.

Есть у нас и такие льноводки, что получили больше, чем я. Вот звеньевой Анфисе Ивановне Щениной и звеньевой Нине Константиновне Варламовой выдано по 12 тысяч рублей. Это мои ученицы!

Не один лен — богатство нашего колхоза. У нас много доходных отраслей в хозяйстве. Мы имеем

Ебдокия Сергеевна Турова.

возможность больше строить, приобретать машины, инвентарь.

Растут доходы и от животноводства. В 1951 году колхоз получил от ферм 234 тысячи рублей, а в 1953 году — 577 тысяч. Наши свиноводки — участницы Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. По двадцать четыре поросенка получили от свиноматки Зинаида Гусева и Лидия Шишкина.

Уже заканчивают установку столбов, и скоро электричество осветит свиноферму. Строится у нас и новая кормокухня с кормозапарником и универсальными резальными машинами.

Нет такой отрасли в нашем хозяйстве, где бы не показали колхозники, чего можно добиться умелым трудом. Вот, к примеру, овцеводка Зоя Ивановна Ложкина получила по 3,6 килограмма шерсти от каждой из ста овец. Овощеводческая бригада Семена Даниловича Ложкина сняла в этом году высокий урожай капусты, огурцов, помидоров, кормовой свеклы и турнепса. Бригада Ложкина Андрея Андреевича, участница выставки, получила урожай зеленой массы кукурузы и подсолнечника по 450—500 центнеров с гектара.

Много труда вкладывают в землю наши колхозники, но зато и оплачивается он сторицею. В 1951 году от гектара пашни, сенокосов и пастбищ мы получили дохода 133 рубля, а в 1953 году — уже по 491 рублю. А 1954 год, по предварительным подсчетам, дал еще больше.

Нет у нас такой колхозницы, которая бы не задумывалась над будущим и не старалась добиться больших успехов. Наше льноводческое звено строит большие планы, заглядывает вперед. У нас есть целина, заросшая кустарником, но нам не под

Е. Турова на уроке географии в вечерней школе.

В МЕЩЕРЕ

А. ОДИНЦОВ

силу вручную выкорчевать его. Значит, нужно, чтобы МТС к этому заранее подготовилась. Есть у нас кислые почвы, на которых не растет клевер, лучший предшественник льна. Эти почвы надо известковать. Но чтобы добыть известь из твердых известняков, залегающих рядом, тоже нужны машины.

В нашем селе Перевозном было создано республиканское совещание льноводов. Участники совещания ездили на мои поля. Я подробно рассказала, как мы выхаживали лен.

— Уж до чего силен! — говорили, восхищаясь, льноводки. — Как есть синее море.

* * *

Встаю я еще затемно. Ведь я не только звеньевая, член правления колхоза, депутат сельсовета и райсовета. Я еще школьница — ученица седьмого класса школы для взрослых. От шести до десяти вечера я в школе. Надо выкраивать время для подготовки уроков. Некоторые предметы даются мне трудно. Подолгу просиживаю я над алгеброй.

Вот и рассвело. По улице бегут в школу ребяташки, швыряются снежками. Хорошо им! А вот у меня было трудное детство. Осталась я после смерти матери сиротой, училась мало, а потом вышла замуж. Муж погиб в Великую Отечественную войну. В колхозе я все время работала со льном, стала звеньевой, окончила курсы полеводов. Это мне много дало. Но можно ли сейчас быть командиром на производстве, если не учиться дальше? И я учусь. Как окончу семилетку, хочу поступить в заочный сельскохозяйственный техникум.

Люблю художественную литературу. У меня уже собралась небольшая библиотечка. Я часто в последнее время бывала в Москве — на Конгрессе мира, на Всероссийском совещании передовиков сельского хозяйства, на выставке. И всякий раз привожу оттуда новые книги.

Я учусь не одна. Многие колхозницы, несмотря на возраст, посещают колхозные курсы, берут книги в нашей сельской библиотеке.

В нашем колхозе есть все возможности для учебы, для роста: хороший клуб с большой библиотекой, в которой свыше пяти тысяч книг, есть даже передвижные библиотеки по бригадам.

Удмуртская АССР.

Хорошо работает в Перевозном спортивное общество «Колхозники». Лыжники колхоза завоевали кубок в Ижевске. На снимке: в выходной день в колхозе «Новая жизнь».

Восенний полдень, как только солнце разогнало утренний туман, наш самолет поднялся над поймой.

Под нами — серые поля с чуть заметным пушком зелени, синие сосновые боры, среди которых то там, то здесь виднеются озера. Мы летим над ивняком, орешником, над зарослями дикой, нетронутой малины. Под этим как будто прочным покровом — непроходимая топь, трясына. Тускло сверкнули мелкие озерки, покрытые рябью кувшинок и белых водяных лилий; от озерков змейкой пополз тонкий ручей. А вон и речка петляет из стороны в сторону, меняя русло, оставляя там и тут поросшие осокой старицы: это Пра, единственная большая речка Мещеры. В стороне вьется лесная дорога с бревенчатыми настилами. По ней тащатся груженные тесом машины. Дорога идет в лесной поселок: десятка три домиков, гараж, штабели бревен, лесопилка, свежерубленный коровник, на сером поле — два трактора с сеялками. И снова лес, болота, озера и пески...

Это Мещерская низменность. Громадное пространство, раскинувшееся между Москвой, Рязанью и Владимиром, заключено на севере Москвой-рекой и Клязьмой, а на юге — полукольцом Оки. Около двух миллионов гектаров неиспользованных лесов, лугов и полей лежат в центре России, рядом с крупнейшими промышленными городами, лежат века, храня драгоценные запасы удобрений, топлива, энергии.

Плодородие этой земли неисчерпаемо. Одна только пойма Оки, если ее осушить и обработать, сможет дать огромное количество молока, мяса, картофеля и овощей Москве и другим промышленным центрам страны.

Осушить и освоить в ближайшие годы Мещерскую низменность — эту задачу поставила партия перед страной.

Чтобы освоить Мещеру, надо проделать большие работы. И прежде всего избавиться ее от основного врага — избыточной воды. В самолете, который шел над Мещерой, сидели разведчики-испытатели.

Я, не отрываясь, смотрел вниз. Да, трудно спустить воду из Мещеры, похожей на огромную плоскую чашу. Слишком слаб уклон к Оке. Не может вода уйти и в землю: под песками — плотные глины, а порой известняки, не пропускающие влагу. Я видел, как даже в жаркое лето здесь косили траву на болоте, а потом выносили на носилках на сухое место. Вода вытеснила из почвы воздух, и развитие бактерий, которые перерабатывают остатки растений и животных в перегной, прекратилось. А перегной необходим для питания растений. Чтобы болото стало почвой, надо его осушить, дать доступ воздуху, оживить бактерии.

Правда, «выжать» болото, как губку, не такое уж трудное дело. Привезти в Мещеру большие экскаваторы, мощные земснаряды, и по прорытым каналам, по углубленным рекам вода уйдет. Но тогда плодородную почву нужно будет... орошать. Требуется не просто осушить болото, а отрегулировать водный режим так, чтобы можно было управлять водой по потребности. Каналы в болотах должны отжимать воду и сбрасывать излишек ее в реки. Но в случае засухи эта вода должна быть задержана. Нужно создать такой канал, чтобы всегда был сохранен необходимый для сельского хозяйства уровень грунтовых вод; чтобы, скажем, весной вода уходила быстрее, а летом задерживалась на определенном горизонте для питания корневых растений. Для того, чтобы создать такие каналы, необходим точный расчет.

Над составлением карты большого наступления трудятся сотни изыскательских отрядов. Геологи бурят землю, изучают породы Мещеры, свойства грунтовых вод. Они укажут мелиораторам, где именно и какие надо рыть каналы. Гидротехники промеряют длину и глубину рек, высоту их берегов.

Мещеру прорезает река Пра. Она принимает в себя и маленькие реки и ручейки. Но собрать всю излишнюю влагу она не может. Гидротехники укажут проектировщикам, где выпрямить, где расширить или углубить Пру,— словом, как сделать так, чтобы река снизила уровень грунтовых вод, вобрала в себя лишнюю воду и сбросила ее в Оку.

С папками, наполненными собранными растениями, по Мещере ходят почвоведы, ботаники. Они составляют почвенные карты — основу для правильных севооборотов на будущих тучных пашнях. Над речками и озерами склоняются рыбодобы: Мещера даст стране и отличные рыбные хозяйства.

Изыскатели работают всюду: на земле, на воде, в воздухе.

Большое наступление на Мещеру пойдет с приокской поймы. Это будет весной 1955 года, как только закончатся изыскания. Но в Мещере уже сотни гектаров отвоеваны у болота. Эту работу непрерывно ведут государственные лугомелиоративные станции, оснащенные могучей техникой. Многие здешние колхозы уже обрабатывают первые участки новой земли.

На берегу Солотчи, в чашеобразной низине, заросшей камышом, высятся стрелы экскаваторов. Через все болото к реке тянутся черные земляные бугры. Это отвалы породы. За ними чернеет вода. Экскаваторы прорыли в болоте каналы и подошли к Солотче. Куда ни кинешь взгляд,— везде чуть посеревшая от осеннего холода густая осока. Это — Кальское болото, две тысячи гектаров. Большая часть его принадлежит колхозу имени академика Павлова. В Мещере немало артелей, где средний урожай на корову превышает две тысячи литров, а урожай сена с гектара пойменных лугов доходит до 50—60 центнеров, где высоки урожаи зерна и овощей. В колхозе имени Павлова урожаи на супесях слабые, луга и большая часть земли — под властью воды... И вот эта власть кончается.

Вместе с председателем колхоза Иваном Михайловичем Дворцовым мы идем вдоль нового кана-

ла, по тому месту, где весной чуть не засосало ненароком забредшую сюда лошадь. Сейчас здесь сухо, болотная вода уходит в Солотчу, а из нее — в Оку.

— Здесь теперь хороший луг,— показывает Иван Михайлович,— а на том берегу огороды. Еще нынешней весной тут была трясына...

Мы переходим через мостик. Справа и слева тянутся поля капусты, уже убранной. Осень в разгаре. Каждое поле окаймлено глубокими каналами. Вода в них чистая, прозрачная.

— Вначале шла черная, гнилая,— говорит Иван Михайлович,— а теперь — как слеза.

Земля, на которой росла капуста, была красной и чуть пружинила.

— Это торфяники, самая плодородная почва,— пояснил председатель,— а красный цвет от примеси железняков. Урожай капусты — до 56 тонн с гектара в среднем. А в будущем году мы освоим не тридцать, а двести гектаров торфяников; тут будут и зерно, и овощи, и корнеплоды — все попробуем. Вон какая техника на нас работает! — И Иван Михайлович показал на дальний берег Солотчи, где трудились три экскаватора мелиоративной станции.

С высоты падали в воду огромные ковши, выбиравая песок, почерневшие бревна; река в этом месте углублялась, чтобы принять больше сточных болотных вод из каналов.

— Только первый шаг сделан,— продолжал председатель,— а результаты немалые. Было у нас сто двадцать коров, сейчас сто восемьдесят, к лету будет двести восемьдесят, а еще через год — триста семьдесят. В прошлом году доход колхоза был триста шестьдесят тысяч рублей, а нынче раза в два больше. Вдвое выросла и стоимость трудодня.

...Вечером я познакомился с планом развития хозяйства колхоза. Он рассчитан на пять лет. За это время будет освоено и освоено около двух тысяч гектаров болот и неудобных земель. За пять лет продуктивность животноводства и полеводства увеличится в несколько раз, доходы колхоза за эти годы составят свыше десяти миллионов рублей.

— Учтите,— заметил Иван Михайлович,— в районе есть артели побогаче, их рост пойдет быстрее...

В это время скрипнула дверь, и на пороге появилась женщина.

— Я, товарищ председатель, вот насчет чего... Я ведь в Солотче год работала, а теперь хочу колхозу помочь. С Катериной Гущиной толковала, она не возражает, берет меня к себе на ферму свиначкой...

Опять скрипнула дверь.

— Можно, Иван Михайлович? Ой, да у вас народ!..

— Заходи, Пелагея Андреевна. Ты насчет дочки? Говорил я с бригадиром. Возьмем ее в огородную.

— Видели? — довольно усмехнулся председатель, когда женщины ушли. — То на сторону стремились, а теперь потянулись к колхозу. Возвращаются люди. Трудностей у нас еще немало, но всем видать: пошел колхоз в гору.

Рязанская область.

В. И. ЛЕНИН СРЕДИ КРЕСТЬЯН СЕЛА ШУШЕНСКОГО.

В. Басов.

Портрет Героя Социалистического Труда льноводки А. Д. АЛЕШИНОЙ.
Выставка произведений художников РСФСР 1954 года.

К. Фролов.

ЗА МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ В ЕВРОПЕ

1945 год. Окончена долгая и кровопролитная война. Гитлеровская Германия разгромлена. В Потсдаме, недалеко от Берлина, проходит конференция, на которой главы правительств СССР, США и Англии выработывают основные положения будущего мирного договора с Германией. «Германский милитаризм и нацизм будут искоренены, и Союзники, в согласии друг с другом, сейчас и в будущем, примут и другие меры, необходимые для того, чтобы Германия никогда больше не угрожала своим соседям или сохранению мира во всем мире». Под этим торжественным обязательством, записанным в Потсдамском соглашении, стоят подписи как СССР, так и США и Англии.

Однако только Советский Союз остался верен своим обязательствам и неуклонно добивается создания миролюбивой демократической Германии, о которой говорилось в Потсдамском соглашении. США и Англия встали на другой, опасный для мира путь. Они прилагают все усилия к тому, чтобы вооружить германских милитаристов, втянув Западную Германию в свои агрессивные группировки.

Свыше двух лет американская дипломатия носилась с планами создания «европейского оборонительного сообщества», главной целью которого было возродить гитлеровскую армию (вермахт). Аживая пропаганда, запугивание, подкупы — все было пущено ею в ход. И все же к середине 1954 года из шести предполагаемых стран-участниц — Франции, Италии, Бельгии, Голландии, Люксембурга и Западной Германии — две страны — Франция и Италия — не ратифицировали, не утвердили договор. Причем во Франции его ратификация наталкивалась на особенно большие трудности.

Борьба против «европейского оборонительного сообщества» приняла во Франции поистине всенародный характер. В ней участвовали все слои населения. Мнение французского народа не могло не отразиться на поведении депутатов парламента. И когда 30 августа Национальное собрание Франции 319 голосами против 264 отклонило договор о создании ЕОС, старинный Бурбонский дворец, где заседает французский парламента, наполнился торжественными звуками «Марсельезы». Это депутаты — противники «европейской армии», — встав со своих мест, пели французский национальный гимн.

Как только разнеслась весть о крушении «европейского оборонительного сообщества», правящие круги США, Англии и Западной Германии бросились на поиски новых средств для осуществления старой цели — перевооружения Западной Германии. Министр иностранных дел Англии Иден отправился в поезд по столицам западноевропейских стран. Вслед за ним в полярном порядке был послан высокопоставленный чиновник государственного департамента США Мэрфи. А через два дня в Европу вылетел и сам государственный секретарь США Даллес. По этому поводу английская газета «Манчестер гардиен» едко заметила, что «министры иностранных дел гоняются друг за другом по Европе подобно оводам».

Единственным практическим результатом многочисленных переговоров, которые состоялись в те дни в столицах западноевропейских стран, была договоренность о созыве конференции девяти держав. Эта конференция состоялась в Лондоне с 26 сентября по 3 октября. Под нажимом американцев ее участники «в принципе» договорились о вооружении Западной Германии.

19 октября в Париже началась «большая дипломатическая неделя», как ее называли в буржуазной печати, — целая серия сепаратных совещаний министров иностранных дел западных держав. Для обстановки, в которой проходили эти совещания, характерны чрезвычайная спешка и грубый нажим со стороны США. В те дни в Париже отмечали ту бесцеремонность, с которой американские дипломаты разыгрывали комедию между-

народных переговоров, выставляя попеременно за дверь и приглашая вновь представителей той или иной страны на совещания, между которыми часто не проходило и 15–20 минут. А таинственность, окружавшая парижские переговоры, убедительно говорила о том, что в Париже совершался преступный сговор за спиной западноевропейской общественности.

И действительно, министрам было что скрывать. В Париже были подписаны соглашения, которые угрожают жизненным интересам всех европейских народов. Западной Германии предоставляется право создания на первых порах полумиллионной армии с танками, авиацией и военно-морским флотом. Мало того, в соответствии с этими соглашениями западногерманская армия получает возможность иметь атомное оружие. Тяжелая промышленность Рурской области (Западная Германия), та самая промышленность, которая неоднократно являлась главным арсеналом, где ковалось оружие для захватнических войн германских милитаристов, вновь открыто перекладывается на производство вооружения.

Во главе западногерманской армии становятся бывшие гитлеровские генералы Рамке, Шпейдель, Мантейфель, Кессельринг — те самые фашисты, которые еще недавно были организаторами и соучастниками гитлеровской агрессии против народов как Восточной, так и Западной Европы.

По парижским соглашениям Западная Германия должна создать армию в 12 дивизий. Однако германские милитаристы уже теперь не скрывают, что они не намерены ограничиваться этим и собираются увеличить свою армию сначала до 30, а затем и до 60 дивизий. Таким образом, над народами Европы вновь нависла угроза германской агрессии. Она становится еще более очевидной, если вспомнить, как часто в Западной Германии уже сейчас раздаются голоса с призывами к новой войне, к реваншу. Ясно, что гитлеровские генералы, как только будет создана западногерманская армия, ни перед чем не остановятся и не поколеблются применить любое оружие против кого угодно, лишь бы попытаться снова завоевать весь мир. «Как только мы будем иметь 20 дивизий, мы будем говорить с французами другим языком», — заявил бывший гитлеровский генерал Адольф Хойзингер.

Эти откровенные высказывания, кажется, должны были бы открыть глаза англо-французским политикам, которые вместе с американскими империалистами возрождают германский милитаризм. Однако правящие круги западных держав вопреки национальным интересам своих народов продолжают политику развязывания агрессивных сил, отвергая все предложения Советского Союза, направленные на обеспечение мира и безопасности в Европе.

Делегация СССР еще в начале прошлого года на Берлинском совещании министров иностранных дел внесла предложение о заключении Общеввропейского Договора об обеспечении коллективной безопасности в Европе. Советские предложения ясны: создать такую систему коллективной безопасности в Европе, в которой участвовали бы все европейские страны, большие и малые, независимо от их общественного строя. Создание такой системы положило бы конец образованию замкнутых военных группировок, что неизбежно ведет к обострению отношений между странами.

Одновременно претворение в жизнь советских предложений явилось бы важным шагом на пути к объединению Германии, ибо участниками системы коллективной безопасности вначале могли бы стать как Германская Демократическая Республика, так и Германская Федеральная Республика, а в дальнейшем — объединенная Германия.

24 июля 1954 года Советское правительство внесло новое важное предложение: созвать Совещание всех

европейских государств, а также США, при участии наблюдателя от Китайской Народной Республики, по вопросу о создании коллективной безопасности в Европе.

Создание коллективной безопасности в Европе, как это предлагает Советский Союз, обеспечило бы прочный мир и безопасность в Европе. СССР неоднократно предлагал немедленно начать переговоры по этому вопросу. Однако правительства западных держав неизменно отказывались принять эти предложения. Более того, западные политики, особенно государственные деятели США, прилагают все усилия к тому, чтобы как можно скорее ратифицировать, утвердить парижские соглашения в парламентах тех стран, представители которых подписали эти соглашения. При этом они заявляют, что вообще якобы не отказываются от переговоров, но только после ратификации парижских соглашений. Подоплеку всей лживости этих слов раскрыть не трудно. Правящие круги западных держав, опасаясь всенародного возмущения, не могут прямо и открыто признать, что ратификация парижских соглашений исключит возможность достижения соглашения по германскому вопросу. Но разве не ясно, что вооружение западногерманских реваншистов сделает невозможным мирное объединение Германии.

В этих условиях откладывать далее созыв Совещания по вопросу о создании системы коллективной безопасности в Европе стало невозможным. Советское правительство, после соответствующих консультаций с правительствами Польши и Чехословакии, предложило созвать такое совещание 29 ноября. Это предложение встретило горячую поддержку и одобрение общественности европейских стран. Принять участие в Совещании, кроме Польши и Чехословакии, согласились Албания, Болгария, Венгрия, Германская Демократическая Республика, Румыния. Правительство Китайской Народной Республики направило своего наблюдателя на Совещание. Представители западных держав с помощью различных уверток и отговорок вновь уклонились от обсуждения вопросов обеспечения мира и безопасности в Европе.

Необходимость созыва такого Совещания диктовалась самой жизнью. Советский Союз твердо стоит за создание прочной системы коллективной безопасности в Европе и стремится к соглашению с Францией, Англией и США по германскому вопросу и прежде всего по вопросу о мирном воссоединении Германии в едином миролюбивом государстве. Однако, раз западные державы отказываются от этого и продолжают свою губительную для дела мира политику подготовки войны, Советский Союз и другие миролюбивые страны Европы вынуждены принять меры по обеспечению своей безопасности.

В Декларации, принятой на Московском Совещании европейских стран, говорится:

«Народы наших государств сознают, что парижские соглашения значительно усилили угрозу новой войны. Но они не допустят того, чтобы развитие событий застало их врасплох...

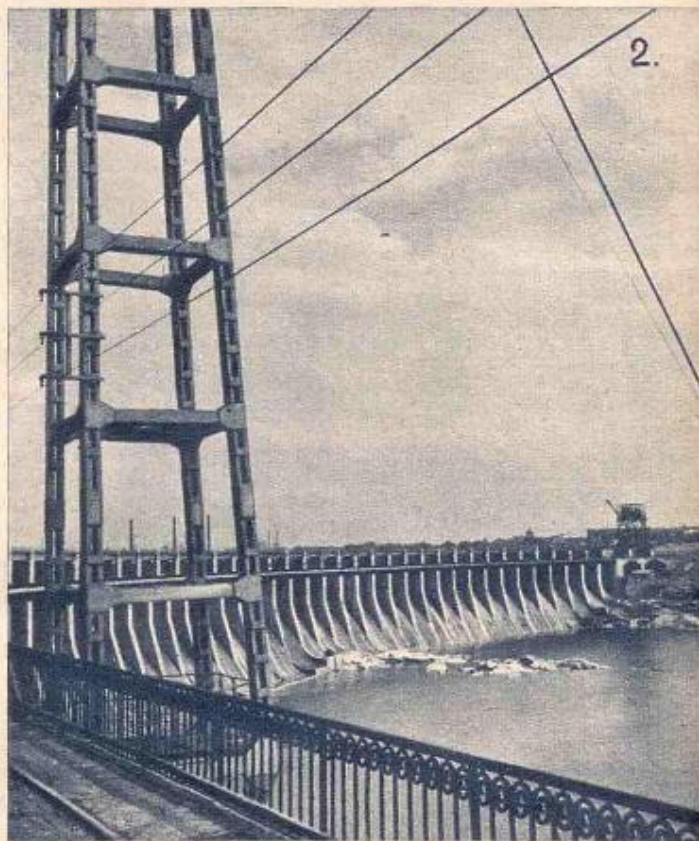
Государства — участники настоящего Совещания заявляют о своем решении осуществить, в случае ратификации парижских соглашений, совместные мероприятия в области организации вооруженных сил и их командования, равно как и другие мероприятия, необходимые для укрепления своей обороноспособности для того, чтобы оградить мирный труд их народов, гарантировать неприкосновенность их границ и территорий и обеспечить защиту от возможной агрессии».

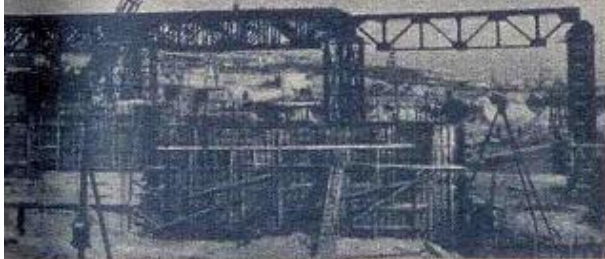
Все эти мероприятия находятся в полном соответствии с неотъемлемым правом государств на самооборону. Их необходимость вызвана тем, что западные державы встали на путь вооружения злейшего врага европейских народов — германского империализма.

Миролюбивые государства вынуждены будут осуществить эти мероприятия, если парижские соглашения будут ратифицированы и недобитые гитлеровцы вновь получат оружие.

Советское правительство полно решимости отстаивать дело мира и продолжает настаивать на создании в Европе системы коллективной безопасности. Именно поэтому политика Советского Союза встречает горячую поддержку всех европейских народов.

Анатолий ЛЮБИМОВ

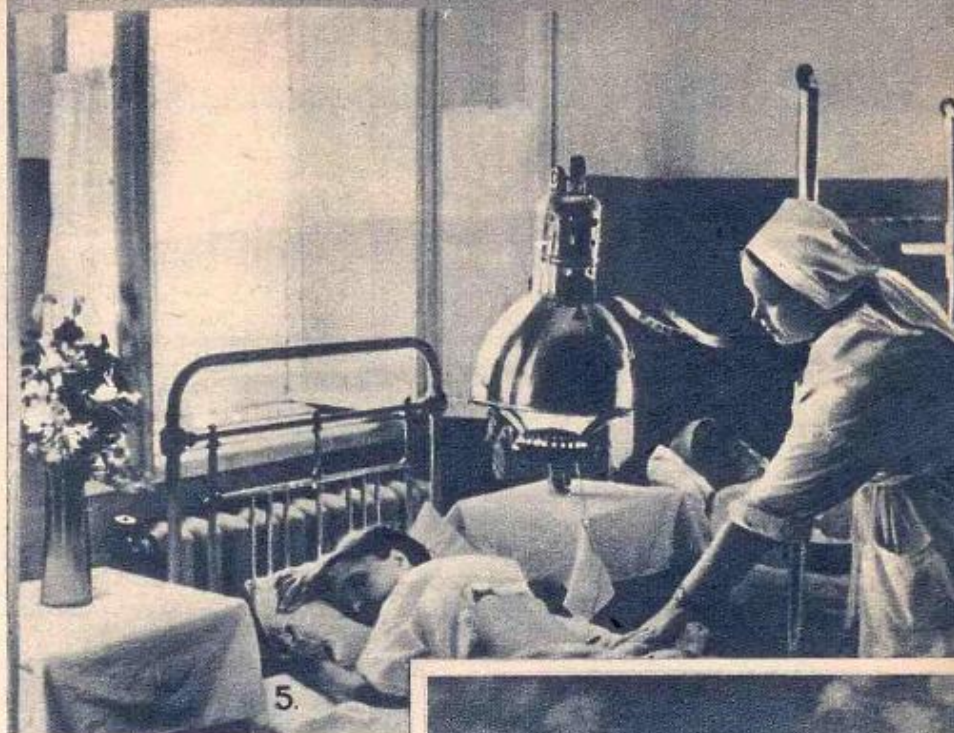

Электричество все прочнее и шире входит в нашу жизнь. Каждый день приносит нам сообщения об успехах в деле электрификации нашей страны. Из Смоленщины пишут о пуске еще одной колхозной электростанции. Рабочие Ленинградского завода имени Кирова рапортуют об окончании сборки мощной турбины для Куйбышевской ГЭС, строители электростанции на Каме — о том, что еще сотни тысяч киловатт-часов электроэнергии готовы служить человеку.

Электричество облегчает труд, улучшает быт советских людей. Не в диковинку теперь яркий электрический свет в деревнях, электричество на фермах, токах. И на полях уже появились первые электротракторы и электрокомбайны...

Государственный план электрификации России был выдвинут Лениным в 1920 году на заседании VIII Всероссийского съезда Советов. В самую раннюю пору жизни Советского государства, сильно пострадавшего от гражданской войны и интервенции, когда кругом царили разруха и нищета, Владимир Ильич в своем выступлении на съезде нарисовал величественную картину будущего нашей страны, показал ее, озаренную огнями электрических станций.

Уже претворено в жизнь то, о чем говорил Ленин с трибуны VIII Всероссийского съезда Советов. Но и сегодня нас окрыляет ленинская мечта об электрификации всей страны. И каждая, даже самая маленькая колхозная гидроэлектростанция, как и те стройки, которые возводятся на берегах Волги, Днепра, Камы, Иртыша, служит выполнению заветов великого Ленина.

5.

1. На стройке Новосибирской гидроэлектростанции.

2. Так выглядит плотина одной из крупнейших гидроэлектростанций — Днепровской гидроэлектростанции имени В. И. Ленина.

3. Электрострижка овец в киргизском колхозе.

4. Гидроэлектростанция колхоза имени Ленина, Краснодарского края.

5. Электролечение в участковой больнице.

6. Скоро загорятся фонари на улицах села Екатериновки, Харьковской области.

7. Корсунь — Шевченковская МТС. Электротрактор на поле.

Фото А. Красовского, В. Лецинского, М. Начинкина (ТАСС), М. Галкина, Ю. Королева и В. Шаховского.

4.

6.

7.

Счастье в наших руках

(Письмо в редакцию)

МНЕ очень хочется через ваш журнал рассказать женщинам, особенно бездетным, одну действительно историю, сыгравшую исключительное значение не только в моей жизни.

Это было во Львовской области. Я лежала в больнице в послеоперационной палате. Здесь находились главным образом женщины, которые после ненормальной беременности не могли больше рожать детей.

Из шести женщин нашей палаты только одна имела ребенка, у остальных совсем не было детей, и каждая из нас тяжело переносила свое горе. Больше всех в палате переживала Софья Листопад, женщина лет тридцати.

Мы все успокаивали ее, как могли, но получалось это у нас не очень убедительно, да и на наши уговоры Листопад не обращала внимания.

И вот помнится мне сентябрьский день 1953 года. Как обычно, мы о чем-то весело разговаривали между собой, как вдруг услышали плач стоявшей у окна Софьи. Те из нас, кто смог подняться, бросились к окну, чтобы узнать, что так расстроило нашу соседку. Выглянув в окно, мы увидели в больничном саду нашего хирурга Марию Степановну Попову, гулявшую по аллее в сопровождении двух юношей. Одному из них было лет 15. Он что-то рассказывал матери. Второй юноша, в форме ученика суворовского училища, бережно держал мать под руку и, смеясь, слушал рассказ своего брата. Настоящим счастьем веяло от этой картины.

Сейчас мы понимали, что чувствовала Софья, глядя на счастливую мать.

Наша Софья долго не могла успокоиться, ее рыдания слышали сестры и, видимо, доложили о происходящем Марии Степановне. Та поднялась к нам в палату. Она попросила всех нас успокоиться и пообещала, что вечером, во время своего дежурства, она придет к нам в палату для большого и важного разговора и расскажет нечто о себе — такое, что имеет отношение ко всем нам. Мы с нетерпением стали ждать вечера.

Каждый вечер к нам в палату приходил муж Софьи, который еще не знал, что его жена не сможет стать матерью. Софья не решалась ему рассказать об этом. Он говорил ей неоднократно, что если детей у них не будет, он ее оставит. И в этот вечер, когда к нам в палату зашла Мария Степановна, муж нашей Софьи находился здесь же. Он хотел было уйти при появлении врача, но Попова пригласила его остаться.

Мария Степановна попросила нас сохранить в тайне все, что мы сегодня услышим, и, присев возле кровати Софьи, рассказала следующее:

— Студенткой третьего курса мединститута я познакомилась с курсантом военного училища. Встречались мы с ним два года, любили друг друга и по окончании его и моей учебы поженились.

О первой поре нашей совместной жизни я рассказывать вам не стану. Скажу только, что после двух лет замужества я оставалась такой же счастливой, как и в первые месяцы нашей совместной жизни. И только одно омрачало наше счастье — у меня не было детей. Я побывала у профессора, и он мне сказал, что детей у меня никогда не будет. Своим горем я поделилась с мужем. Он помрачнел, напустился. А я... я почувствовала себя как бы виновной перед ним.

Жизнь наша изменилась. Счастье и радость исчезли из нашего дома. Скоро, уже не таясь, муж стал говорить, что ему постыл дом, где не слышно детского смеха.

Прошел год. Однажды мой муж пришел домой нетрезвым и, не глядя мне в глаза, сказал, что он очень сожалеет о случившемся, но делать нечего, у него есть ребенок от другой женщины — и он должен быть с ним. Без слов, без упреков, я молча ушла от него.

Работала я тогда врачом в Доме грудного ребенка. Чудесные малыши, хороший коллектив помогли мне забыть горе.

Так прошло несколько месяцев. Однажды в мою комнату постучались. Я открыла дверь и увидела капитана

Семенова, сослуживца моего бывшего мужа. Мы были знакомы с Михаилом Семеновым, и мне всегда нравились его застенчивость, скромное достоинство, с которым он держался. Но виделись мы с ним редко, и поэтому его нынешнее появление меня поразило — я не знала, что и подумать. Смущаясь и волнуясь, мой неожиданный посетитель стал объяснять причину своего прихода. Он просил меня простить его за смелость, но он знает меня давно, значительно раньше, чем меня познакомил с ним мой бывший муж. Еще в то время, когда он учился в училище, а я в институте, он мечтал познакомиться со мной, но сначала не решался, а потом не захотел мешать товарищу. Любовь его ко мне оказалась сильной и неизменной. Прошло много времени, а он любит меня попрежнему. Он давно знает, что мы с мужем разошлись, но не решался трогать незажившую рану...

Его объяснения показались мне странными, неуместными, я молчала... Он ушел... А потом Михаил пришел опять. Он приходил на работу, домой, и я убедилась в его глубокой и чистой любви.

Но знает ли он о том, что я не могу быть матерью?

Оказалось, что это для него не тайна — мой бывший муж, оправдываясь перед товарищами в том, что оставил меня, обо всем рассказал.

— Я все знаю, но люблю тебя от этого не меньше, — сказал мне Михаил.

Мы поженились. Как сразу же было нами решено, мы взяли мальчика из того Дома грудного ребенка, где я работала. Мы усыновили Яшеньку. Вы его сегодня видели. Он учится теперь в суворовском училище. А через год усыновили и Славику. Вы видели и его. Вы позавидовали мне сегодня, позавидовали моему материнскому счастью. Но разве это счастье не в ваших руках? Разве оно не в твоих руках, Софья?

Мы молчали, пораженные услышанным, а Мария Степановна продолжала:

— Во время войны я работала в прифронтовом госпитале. Не раз у кровати смертельно раненной женщины я слышала: «Кто воспитает теперь моих детей?! Они вырастут без матери!» Детям нужна мать, это известно. Но не меньше нужны женщинам дети!

Вот вы малодушно плачете. Возьмите себя в руки. Подумайте: почему вам не стать матерями для детей-сирот? А ведь я и мой муж никогда не чувствуем, что у нас неродные дети. А Яша и Слава ничего не подозревают. И я не хочу, чтобы кто-нибудь посторонний знал об этом, и потому попросила сохранить мой рассказ в тайне.

Мария Степановна уже давно вышла из палаты, а мы все еще молчали, раздумывая над всем услышанным.

— Николай, — первая прервала молчание Софья Листопад, обращаясь к своему мужу, — давай и мы усыновим ребенка, ведь у меня не будет своих детей.

Мы все напряженно ждали ответа софьиного мужа. А он нежно взял ее голову в руки, поцеловал в лоб и сказал: «Возьмем и будем счастливы...»

...Выписывались мы из больницы в приподнятом настроении. Давали друг другу слово непременно взять детей на воспитание.

Слово свое мы сдержали. Четверо женщин из тех, что лежали со мной в палате, усыновили детей. Мы с мужем тоже взяли девочку. Нашей Леночке сейчас полтора годика, и мы любим ее, как родную.

А рассказ хирурга Поповой, ее образ я храню в своей памяти. Я надеюсь, как и она, воспитать любящих и любимых детей.

М. ВИНОГРАДОВА

От редакции. По просьбе автора все фамилии изменены.

Семья

Галина АКУЛЕНКО, Алексей СУРОВ

Фото Евгении Оцуп.

БЫЛО все: и бессонные ночи у колыбели, и страх за ребячью жизнь, и радость при виде того, как крепко становится малыш на ноги, как переступает, падает и упрямо поднимается вновь! Вот этим упрямством больше всего и гордилась Мария Сергеевна Бокарева. Она радовалась, когда сын, хмурясь и краснея от напряжения, выводил в тетради первые буквы. Когда же, склонясь над букварем, он торопливо и отрывисто произносил короткие, похожие друг на друга слова, она одобрительно кивала головой и старалась утихомирить младших — не помешали бы ученику! Но если ученик все чаще и чаще поглядывал в окошко, мать говорила:

— Погулял бы, сынок.

Мать не спрашивала, сколько ему задано уроков и хорошо ли он слушал свою учительницу. Марии Сергеевне казалось, что ей, неграмотной, не помочь детям в учебе.

— Ваша помощь необходима школе, — сказала ей как-то учительница Екатерина Михайловна Савенкова.

— Уж какая от меня помощь, — с горечью ответила Мария Сергеевна, — грамоте не обучена: в девчонках, бывало, дальше прялки не пускали...

И все-таки она чаще стала посещать школу. После уроков, сидя в опустевшем классе, мать с учительницей говорили о детях. Екатерина Михайловна листала тетради, мать вглядывалась в каждую букву. Конечно, Михайла мог бы и лучше... Но тогда она послала его задать корму корове, он потропился, поставил в тетради кляксу. Потом пришла

соседка, долго крикливо передавала деревенские новости — болтала по пустякам.

— Вот и получилась мазня!

— Надо создать условия мальчику, — говорила учительница, — такие условия, в которых он мог бы спокойно готовить уроки.

Условия? А если вся разросшаяся за последние годы семья в одной, ставшей тесной избе? Но об этом ли не знает Екатерина Михайловна?

— Все знаю, — спокойно отвечала учительница. — Главное, чтобы ребята имели свой уголок для занятий, для книг, да чтоб не отвлекали их ненужные разговоры.

Вечером, уложив детей спать, Мария Сергеевна передала мужу беседу с учительницей.

— О полочке для книг, — ответил Иван Архипович, — я позабочусь, а вот насчет разговоров с соседкушками...

Мария Сергеевна только рукой махнула:

— Ну, это — уж мое дело: ежели дети у кого, тот поймет...

Первой высказала свое возмущение бабка Екатерина Зиминая. Она зашла в избу просто так, скоротать вечерок, а Мария Сергеевна заговорила о каких-то условиях, о том, что детям нужно готовить уроки.

— Какие условия? — пожала плечами бабка. — На печку их загони да огарочек дай...

— Это прежде при огарочках, — начала было мать, да спохватилась, взглянула на детей, вышла в сенцы. Ничего не оставалось бабке Зиминой, как последовать ее примеру.

Сын Марии Сергеевны Толя и внучки Рая и Тамара Бокаревы отбирают семена фасоли для посадки.

С малых лет приучали Иван Архипович и Мария Сергеевна своих ребятишек к труду земледельца. Мать учила детей отбирать пригодные для посева семена. Брала детей с собой на прополку, учила распознавать сорняки. Старшие получали задания посложнее. Они проращивали семена, копали грядки, сажали огурцы, арбузы, осенью всей семьей убирали урожай. Мать выкладывала перед детьми все те знания, которым научил ее многолетний труд, а вечерами она с интересом прислушивалась к тому новому, что подсказывали ей книги, которые читали дети. Учит ли Иван новое стихотворение, пересказывает ли Михайла урок по географии, мать нет, да и прислушается.

Тихо в избе Бокаревых, только слышно, как постукивают стенные часы. С треском распахивается дверь, на пороге Митюшка. Куртка на нем распахнута, шапка сбита на сторону.

— Ребята, айда за мною к реке! Сейчас вот этого зайца словим,— он широко расставляет руки.

— Погоди,— строго говорит мать,— а ты сделал уроки?

Митюшка мнетя у порога, пытается что-то сказать в оправдание, но уже знает: мать от своего не отступит.

— Ученью время — потехе час,— веско произносит она.

Вот и отец вернулся с работы, вымыл руки. Один за другим потянулись к нему дети с табелями.

— Расписаться надо. Вот здесь.

Иван Архипович не спешит, переворачивает листки, подзывает Марию Сергеевну:

— Погляди-ка, мать, наш Митюшка совсем исправился.

Митюшка краснеет от удовольствия и сразу же забывает, что виденный им заяц так и остался непойманным.

В двух школах в две смены учились дети Бокаревых. Раньше всех вставала мать. Она готовила завтрак, обед, кормила мужа, младших детей и уходила на работу в колхоз. Она знала: теперь старшие позаботятся и о младших и о себе. Не опоздали бы только в грачевскую школу, которая от Егоровки в трех километрах!

Не раз к вечеру ее охватывало беспокойство. Может, и не надо было отпускать сегодня ребятишек в Грачевку? С утра стелилась поземка, а вот теперь косыми белесыми полосами до неба поднялась пурга. Мария Сергеевна тревожно прислушивалась к завыванию метели, потом, застегнув коротенький ватник, повязав платок, шла полевой дорогой навстречу детям. Всмотриваясь вдаль, она окликала ребятишек по именам. Дети радостно бежали к ней, раскинув руки. Самый маленький прижимался курносый холодным носом то к щеке, то к платку, строго спрашивал:

— И что это, мама, разве мы одни не доберемся?

— А вдруг потеряетесь в поле? — полушутя говорит мать.

— А мы за руки, боевой цепочкой.

Дома члены «боевой цепочки» дружно ели молочную кашу, а потом, взобравшись на печку, отогревались и рассказывали уже успокоившейся матери, как важно было именно сегодня не пропустить уроки...

Родители просматривают табель Вани.

Один учебный год сменял другой. Дети переходили из класса в класс. От букваря — к книгам по математике, истории, физике, химии, естествознанию. Читали Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Толстого.

Марию Сергеевну Бокареву, мать девяти детей, уже хорошо знают учителя и начальную и среднюю школ. Они охотно беседуют с ней, знают: она прислушается к их советам, поможет воспитать в детях то лучшее, к чему стремится советская школа.

В тяжелую годину войны мать снарядила на фронт двух сыновей, мужа, но не опустел ее дом. Младшие сыновья, дочь, как могли, старались помочь матери, которая, став на место мужа, работала конюхом: выхаживала лошадей, быков.

Больше всех требовал воды круторогий колхозный бык. А вода далеко от конюшни, под толстым слоем речного льда. Ни свет, ни заря вставала мать, бесшумно собиралась, чтобы не разбудить детей, но стоило хлопнуть двери, звякнуть ведром — один за другим вскакивали с печи ребятишки. Они расчищали от снега тропинку, ведущую к реке, по-детски неловко раскалывали лед, черпали воду, бережно и настойчиво отбирали из рук матери обледеневшие ведра и, пряча мокрые, посиневшие руки, снова возвращались к реке.

— Помощники мои! — с гордостью говорила Мария Сергеевна и гнала ребятишек в избу греться, готовить уроки.

Теперь в семье Бокаревых только двое учеников — восьмилетняя Настя и тринадцатилетний Ваня. Через два года пойдут в первый класс самый младший, Толя, и его ровесники, внучата Марии Сергеевны.

Пятеро ее сыновей и дочь Мария окончили семилетнюю школу. Один сын служит в рядах Советской Армии, а остальные остались работать в Егоровке.

Бывший пулеметчик Василий — сейчас помощник бригадира и председатель ревизионной комиссии, Николай — шофер, Александр — экспедитор, двадцатилетняя Мария растила подсолнечник, а ныне помогает достраивать колхозный клуб. Михаил на тракториста выучился, Ваня кончает седьмой класс и помогает конюху-отцу: поит лошадей, учится чинить сбрую.

А восьмилетняя Настя? Разве не помогла она колхозу и матери этим летом? Узнав о том, что в колхоз привезли пять тысяч цыплят и что за ними нужен особый уход, она сказала:

— До тысячи я сосчитать не сумею, а вот сто и еще два раза по сто — смогу.

И белоголовая быстрая Настя упростила Марию Сергеевну на лето принять недавно вылупившихся цыплят. Целое лето Настя оберегала и кормила их.

Триста желторотых птенцов требовали самой нежной пищи и в определенные часы.

Настя смотрела на стрелки ходиков, рассыпала мелко рубленные, смешанные с вареным пшеном крутые яйца, следила, чтобы сильные цыплята не отнимали еду у слабых. Рядом, пытаясь помочь сестре, суетился пятилетний Толя. Настя, усаживая его на лавку, говорила:

— Сиди, не мешай!

Но мать и ему придумала «ответственное» занятие: следить, чтобы не подобрался к цыплятам усатый кот.

И сказку и песню любят в семье Бокаревых. Сама Мария Сергеевна — большая охотница до песен, и в пляске она молодым не уступит.

В праздник лукавая смешинка появляется в ее карих умных глазах. Встанет мать, взмахнет платочком...

— А ну, кто меня перепляшет?

Каждый залюбуется ею. Михаил — тракторист и первый рисовальщик на селе — за карандаш схватится:

— Постой, маманька, я тебя нарисую!

Тут другие братья со своими талантами: Митюшка гармонь разведет, Александр на гитаре сыграет. Останавливается карандаш в руках Михаила, ноги в пляс просятся... Соседи мимо не пройдут:

— У Бокаревых все плясуны и затейники! У них и песенники, и музыканты, и рисовальщики.

Двадцатилетняя Мария — мастерица вышивать, и колхозную работу знает, и плотницкую. Вот и сейчас склонилась над вышивкой. На белом полотне расцветают шелковые цветы. Увлечлась и плясать не хочет: тесно, говорит, в избе, размаха нет. И всех приглашает в новом, 1955 году, на бал в колхозный белокаменный клуб, украшенный барельефами из дубовых листьев и колосьев.

К новогоднему балу у Марии уже есть светлые туфли на высоком каблучке и новое платье. Голубой шелк на платье подарил своей сестре Дмитрий. Как всегда, угодил и матери — в свертке шесть метров сатина, по темному полю яркие желтые колечки. Отцу старшие сыновья поднесли костюм.

Над новым рисунком склонился Михайла. Хочется ему нарисовать мать с двумя орденами материнской славы в окружении девяти детей да еще семерых внуков. Или нет, нарисовать ее в скромном платочке, идущей заснеженным полем встречать ребятшек, или в опустевшем классе за партой, рядом с учительницей.

Утром мать провожает детей на работу, в школу. Она бережно прячет рисунки тракториста Михайлы, прислушивается к рокоту моторов. Там, в поле, ее сыновья!

ТОРГОВЕЦ ВОЙНОЙ

Один из создателей гитлеровского государства, Яльмар Шахт, разъезжает по странам Европы и Азии, развязывая новую войну.

(Из газет)

Гудит самолет.

У него под боком, качаясь, плывет Алжир. Устало откинувшись в кресле глубоко, сидит у окна пассажир.

Привычно у ног ощущает он тепло электрической грелки. Ему курный приносят бульон и в меру размякшие гренки.

Он дремлет среди почтенья немного с клочками ваты в ушах.

Он уже далеко не молод —

герр Яльмар Шахт.

С фашистских газет и журналов

крупно

лицо помоложе глядело,

когда обладатель его

для круппов

Шикльгрубера

Гитлером делал.

Как будто далек он от прежних затей.

Гренки.

Манная кашница.

Убийца столько тысяч детей

и кошки не тронет он,

кажется.

Как будто не он,

а другой кто-то

с трибун кричал

о фашистских «колоссах»...

Но вот подкатывают к самолету

лесенку

на колесах,

и уже не дряхлый —

совсем иной

(молоды взгляд и шаг!)

по лестнице сходит

торговец войной

герр Яльмар Шахт.

Он снова в Каире с дельцами мудрит.

Он снова

в парадности фрака,

приехав опять наконец в Мадрид,

идет на прием к Франко.

Он ездит,

готовя новую бойню,

пока

по той же указке

немецким юношам

бонны из Бонна

вручают винтовки и каски.

Он стар и дряхл во всем остальном,

а тут —

и резвый

и юный!

Наверно, мечтает он

о втором

двадцать вторым июне!

Но если случится

ему и другим

и в этом ненависть высказать,

тогда

на втором Нюрнберге им

уже

не удастся

выскользнуть!

Евг. ЕВТУШЕНКО

Уманский район,
Липецкая область.

В одном селе

Четырнадцать лет работает на посту председателя сельсовета Пелагея Герасимовна Лемешко. Избиратели не один раз выражали ей доверие, отдавая свои голоса во время выборов.

Пелагея Герасимовна много заботится о благоустройстве села, об условиях жизни населения. За последние два года отремонтировано 12 колодцев, сделано три моста.

В каждом доме установлены радиоточки. Колхозная электростанция дает ток в дома колхозников, в клубы, на фермы.

Хорошо обслуживают население медицинские работники. Здесь 3 фельдшерско-акушерских пункта. Работающая в одном из них фельдшерница Т. Ф. Литвищенко является депутатом сельсовета.

Школы находятся под неусыпным вниманием сельского совета. В колхозных поселках пять начальных школ, одна семилетка. Все они обеспечены топливом, учебными пособиями. Пелагею Герасимовну всегда интересует, как учится детвора. К ней частенько навещают матери за советом по воспитанию детей.

Колхоз имени Хрущева находится в Больше-Ивановском сельсовете.

Он — один из передовых в районе. Здесь ежегодно повышается урожайность зерновых и огородных культур, увеличиваются удои молока.

Много внимания уделяет сельсовет колхозным делам. Депутаты сельсовета, члены сельскохозяйственной комиссии, бывают везде: на животноводческих фермах следят, как с кормами, утеплено ли своевременно помещение, проверяют подготовку к весне.

Многообразна деятельность сельсовета, хорошо работают депутаты, выполняя указы своих избирателей.

Ново-Оскольский район,
Белгородская область.

Фото А. Шишкина.

На снимках:

1. Председатель сельсовета П. Г. Лемешко.

2. В сельской библиотеке насчитывается 6 тысяч книг.

3. Пелагея Герасимовна часто заходит в школу.

4. А. И. Набокова, депутат сельсовета (справа), в огородной бригаде.

совете

5. Член комиссии сельсовета по благоустройству села А. Г. Ляхова и председатель колхоза С. Т. Ломако у отремонтированного колодца.

6. На медпункте.

7. Многодетные матери: колхозницы Л. А. Цыганова и А. И. Наумова получают в сельсовете государственное пособие.

Сор из избы

Рассказ

А. ЕЛАГИНА

— Тося, поди сюда!

Сердце у Тоси неприятно екает. «Сейчас начнет», — думает она, медленно поднимаясь в вагончик.

Бригадир сидит за столиком над своими ведомостями, темная прядь падает ему на лоб. Он действительно «начинает».

— Тося, трактористы жалуются, — говорит он, не поднимая глаз.

Будто она сама не знает, что трактористы жалуются! Только что крик стоял на весь стан.

— Тося! — продолжает бригадир ровным голосом, и брови его сдвигаются. — Так больше нельзя. Люди должны знать точно, сколько они выработали. А у тебя все время ошибки.

Хоть бы накричал на нее, что ли! А то: «Тося! Тося!»

— Тося, я понимаю, на первых порах тебе трудно. Но надо изучить площадку, слышишь?

— Хорошо, Тимофей Иванович, я изучу.

Тося выскрывает из вагончика и садится поодаль на пенек, сердито отвернувшись от поварахи тети Поли, которая сочувственно поглядывает на нее.

Она вынимает из планшетки свои записи. Конечно, напугала. Тракторист Корякин весь день пахал за Силицыной тропой. Она пришла туда только вечером, стала мерять, а тут стемнело, она и насчитала ему чужие гектары. А трактористу Коле Ступикову недосчитала. Он и обиделся. Если б она была в своей прежней бригаде! Скажут ей, бывало, вспахал клин за Волчьим логом или косил под Горелой рощей. Ей и мерять не нужно, сразу запишет 5,3 гектара и 6,8 гектара. Все поля знала наизусть. А здесь... Правильно говорили ей тогда ребята: «Не уходи от нас, Тося, пожалеешь!» И Вася просил: «Не уходи!» А ее взяло тогда за живое — и ни в какую!

Было это в самом начале посевной. Они с Васей только что поженились, отгуляли три дня на свадьбе и утром вдвоем пришли в бригаду. Дул холодный ветер, березовая роща, где прятались вагончики тракторного стана, стояла еще совсем голая, но небо было весеннее, яркосинее, радостное. Хорошо было шагать в то утро рядом с Васей, похрустывать ледком по лужам, чувствовать у себя под локтем его большую, сильную руку!

Трактористы возвращались с ночной смены; они обступили молодых, поздравляли, жали руки, шутили. Вася вырвался от них и побежал в поле к своему сменщику, который ждал его у трактора, а Тося пошла обмерять запаханые участки. В обед, когда она, бойко постукивая

мелом по доске показателей, записывала цифры выработки, кто-то из трактористов крикнул:

— Эй, эй! По родству, что ли, приписываешь?

Фу ты! Так привыкла она ставить перед Васиной фамилией его выработку, что и сейчас записала, спутав строки и позабыв, что он эту смену не работал. Она засмеялась и стерла надпись. Но шутка, видно, пришлась по душе ребятам. Стоило ей подойти к доске, как кто-нибудь говорил:

— Следите, ребята, а то сейчас припишет.

Или:

— Хорошо Ваське! Сверхплановое выполнение обеспечено! — Она сначала отшучивалась, потом стала отмалчиваться, но однажды как стукнет мелом о доску!

— Уйду из бригады — и все!

И как ни доказывали ей трактористы, что это только шутка, она написала заявление и понесла директору МТС.

— Почему вы просите перевести вас из второй бригады? — недовольным голосом спросил директор. Но она так веско ответила ему: «Считаю неудобным работать учетчицей в одной бригаде с мужем», — что он внимательно посмотрел на нее через очки и сказал:

— Хорошо. В четвертой бригаде освободилось место учетчицы. Переведем вас туда.

Она получила направление и молча пошла в четвертую бригаду.

Всего месяц тому назад она приходила сюда приглашать тетю Полю на свадьбу.

— Что ж, — сказала тетя Поля, — ясно, приду. Вы как, у них станете жить или у вас?

— У них. Его мать так поставила. А что?

— Да так... Он сам, конечно, ничего, смиренный, в отца. А вот мать... Я ее с маленьких знаю... Соседи же, через двор. Ну, да бог даст все будет хорошо... — И она трижды поцеловала Тосю.

Тося тогда не придавала значения ее словам. Жила она до сих пор с матерью на дальнем хуторе и теперь радовалась, что переедет на центральную усадьбу к Васе в дом, будет с ним неразлучна...

Она засмеялась и сказала: — Что вы, тетя Поля! Смотрите, какую шаль она мне подарила!

Но очень скоро Тося поняла, что хотела сказать тетя Поля. Может быть, даже с той минуты, как повез ее Вася к родительскому дому, с бубенцами, с песнями, с гармошкой и на крыльце обняла ее и прижала к мягкой груди свекровь Марфа Прокофьевна. Она повела ее по своему хозяйству, показала клеть, пол-

ную добра, корову-холмогорку, двух подсосунков, кур-несушек, открыла подпол с картошкой, с бочками соленой, распахнула двери на чистую половину, где стоял радиоприемник, висели на стенах две картины из охотничьей жизни в золоченых рамках, рос до потолка фикус, возвышалась пышная кровать для молодых.

— Вот, доченька, смотри — не хуже, чем у людей, — с гордостью сказала она, приглашая и гостей полюбоваться. — Помрем со стариком — хозяйкой будешь. Заслужи только.

Тося еще тогда подумала: «Зачем она так говорит? Помрем... Заслужи... Разве из-за всего этого она пошла за Васю?»

А свекровь уже усаживала гостей за стол, потчевала жареным и пареным, наливала вино в граненые стаканы, и басовитый ее голос уверенно гудел над столом:

— Наши сыны с измальства к воспитанию приучены: что старший — Игнат, что младший — Васька. Никто о них дурного слова не скажет. Лучшая девка может почесть за счастье. Так нет же, игнатову Дуньку — такая змея, такая змея, не к ночи будь сказано. Ну, бог даст, Васенька не ошибся... Кушайте, гостечки, кушайте... — Она обводила всех острыми черными глазками, и у гостей застывали вилки у рта.

Васин отец, сухонький молчаливый человек с такими же голубыми, как у сына, но уже выцветшими глазами, отводил протянутую было к бутылке руку, а Тосе казалось, что глазки свекрови буравят ее насквозь. Но она тотчас забывала об этом. От выпитого вина, от того, что Вася сидел рядом, прижимая ее к себе, лицо ее горело огнем, и все кругом плыло, как в тумане.

Она проснулась ночью от того, что кто-то тяжело ворочался на печке и стонал:

— Ох, деточки, ох, родненькие!.. Все-то косточки у меня болят...

Тося в одной рубашке босиком побежала к печке.

— Что с вами, мамаша?

— Ой, доченька! Все суставчики у меня скрутило... Ни сесть, ни встать. А печка не топлена, скотина не кормлена, корова не доена... Спички там лежат, на загнетке...

Тося вздула семилитрею, принесла дров, растопила печку. Свекровь, охая, указывала: в том чугунке варить картошку, в этом — готовить пойло... Тося доила корову, мыла картошку, кормила скотину, мыла посуду, ставила самовар, потом пошла за водой. Когда она вернулась, было уже светло. Марфа Прокофьевна сидела за столом и, как ни в чем не бывало, пи-

ла чай с остатками вчерашнего угощения.

— Полегчало мне, — пробасила она. — С горячего, знаешь, как легчает. Буди мужа-то. Старик уже встал.

Из сарая доносилось туканье топора.

Тося с Василием наскоро выпили чаю и заторопились на стан. Василий там и остался жить на все лето, а Тося ночевала дома. Каждую ночь поднимали ее с постели стоны и оханье свекрови. Она уже не верила в ее болезни, но делала всю работу по дому, страшаясь, что Марфа Прокофьевна ославит ее перед всеми, назовет лодырницей и неумехой, как свою старшую сноху Дуньку, которую она не уставала ругать с тех пор, как та, негодница, подбила мужа уехать из дому на целинные земли.

Прерывая свои проклятья Дуньке, она вдруг говорила:

— Ах, доченька! Что ж ты огорода не докопала? Что теперь будет? — И так горестно всплескивала руками, что Тося чувствовала себя преступницей.

— Мамаша, — робко возражала она, — мне же на работу надо.

— Какая у тебя работа! Карандашиком чирк-чирк — и готово. За что только тебе деньги платят? Кончишь копать — пойдешь. А то мне недосуг. Бригадир уже в окошко стучал.

И Тося оставалась докапывать огород, высаживать рассаду, сбивать масло, мыть избу... Мало ли работы

по дому? Пока Тося была во второй бригаде, она еще кое-как справлялась, хотя сводные ведомости частенько приходилось писать по ночам. В четвертой же бригаде, до которой добежать еще надо было восемь километров, она ничего не успевала. Рвалась все сделать и дома и на работе, а не успевала. Не раз плакала. Думала: может, рассказать в бригаде все, как есть? Нет. Совестно перед людьми. Пойдут разговоры, пересуды. Да и свекровь никогда в жизни не простит такого позора. Сказать матери? Поплачет, поругается с Марфой Прокофьевной. А что толку! Пожаловаться свекру? Тот никакого голоса в доме не имеет. Лучший плотник в колхозе, он целый день работал на стройке, а как только открывал дверь в дом, Марфа Прокофьевна начинала:

— Старый, а старый! Ты бы мне корыто для кур сделал. Да там еще крыша над закутком прохудилась...

— Мне поесть бы...

— Успеешь. Сделай, пока светло. А ши хлебать и в темноте можно. Небось, в ухо ложку-то не понесешь...

— Ну, характер! — Крутя головой, старик шел выполнять приказания жены.

Рисунок И. Кабакова
и К. Соколова.

Сказать Васе? Нет, уж это ни за что! Чтобы из-за нее пошли раздоры в семье? Да и поможет ли? В короткие часы, когда он вырывается к ней со стана, мать и то находит для него работу. А он: «Сейчас, мамынька! Хорошо, мамынька!» — как мальчик...

А в бригаде крик, недовольство. Все против нее. И никому, никому нет дела, что ей так трудно...

Погруженная в свои грустные мысли, Тося не замечает, как крупные слезы катятся у нее по щекам. Потом спохватывается, вытирает их уголком платочка и вытаскивает из планшетки круглое зеркальце. В маленьком стекле виден темный печальный глаз, половина припухшего от слез носа и зеленая березовая ветка. Тося долго смотрит, потом слегка поворачивает зеркальце. В нем видна тетя Поля у костра в своем белом фартуке, с поварешкой в руке. Она кого-то таинственно манит пальцем к себе. Слышатся шаги, и в зеркальце появляется строгое лицо бригадира. Тетя Поля говорит ему что-то очень тихо, так что Тося никак не может разобрать слов; бригадир внимательно слушает. Тося видит, как брови его удивленно поднимаются. Временами он отрывисто спрашивает:

— Ну, а он? А она? А старик? А старуха? — А тетя Поля все что-то шепчет ему и шепчет.

Бригадир стоит, устремив вдаль прищуренные глаза, задумчиво покусывая былинку. Потом он решительно выплевывает былинку и исчезает из зеркальца. Тося слышит, как трещит мотоцикл, шуршат кусты. Затем все стихает. Уехал...

Бригадир Ильиных совершает утренний обезд земельных участков бригады. Обычно он сначала едет к пахотному клину. Но сегодня мотоцикл, подрагивая, несет его по извилистым полевым дорогам прямо к огромному клеверищу. У стога среди движущихся фигур Ильиных различает каурого меринка и словно приросшего к его спине всадника. Это бригадир полеводческой бригады Шугров. Ильиных оставляет мотоцикл у обочины дороги и идет к Шугрову. Они пожимают друг другу руки и молча смотрят, как трактор, пыхта и выхлопывая клубы дыма, подводит к груде сена раму стогометателя. Огромные вилы захватывают двадцатипудовую охапку. Стог растет с каждой минутой.

— Между прочим, — неожиданно роняет Ильиных, — завтра будешь посылать на стан продукты, вели, чтоб привезла их, как ее там, есть у тебя такая, тетка Марфа, что ли, плотникова жена...

Шугров поворачивается к бригадиру и таращит на него и без того выпуклые глаза.

— На кой она тебе сдалась?

Но Ильиных уже шагает по клеверищу к своему мотоциклу, и Шугров только разводит руками.

— Понадобилась же человеку такая ведьма!

И так ему интересно узнать, зачем понадобилась Ильиних тетка Марфа, что рано утром его каурый меринок выныривает из березового подлеска у тракторного вагончика, и Шугров стучит в тонкую стенку:

— Эй, бригадир! Приедет сейчас твоя Марфа Посадница!

Ильиних выглядывает, и Шугров, закуривая, начинает рассказывать:

— Представляешь, какой потребовался психологический подход? Она ни в какую бы не поехала, целую лекцию бы прочитала: зачем, да почему... Так я такое придумал: возчик, мол, занедужил, а больше никому доверить продукты невозможно. Только ей. Она и клюнула. Я ее всегда на почет беру. Ух и баба! Вот она где у меня сидит. Зачем она тебе?

— Да так... Сейчас не до нее. Совещания начинаем. Ребята, товарищи! Давайте, давайте! Тося здесь?

— Здесь, — не сразу отзывается Тося из-за кустов. Она сегодня до полноты стирала и теперь задремала, пригревшись на утреннем солнышке.

Трактористы и прицеппики собираются перед вагончиком и поудобнее усаживаются на траве; бригадир садится на ступеньку, тетя Поля приносит скамью для себя и Тоси, к ним подсаживается Шугров.

— Ну, давайте, какие у кого на зрели вопросы!

— Об учете! — сразу выкрикивает Коля Ступиков. — Это же — безобразно... — Он садится и поворачивает засаленную кепку козырьком назад. — Работашь, работашь...

— Подожди, Коля. Значит, об учете, — записывает в книжечку бригадир. — Надо еще обсудить ход соревнования за неделю.

— Опять же упирается в учет! — кричит Ступиков.

— Какие еще будут вопросы? — невозмутимо спрашивает бригадир.

— Нет, верно, товарищ Ильиних, — замечает тракторист Корякин. — Учет — у нас самый наболевший вопрос. Я двадцать лет на тракторе работаю, мне чужих гектаров не надо...

— Минуточку! — прерывает его бригадир. — Сначала вопрос о ходе соревнования. — Он перелистывает свою книжечку и ровным голосом начинает читать цифры выработки за неделю.

Надо бы послушать его, но Тося не может. С тоской думает она, что сейчас бригадир замолчит, слово возьмет Коля, а за ним другие, и все будут ее ругать, потому что и в самом деле вся работа упирается в учет.

Как только Ильиних умолкает, Ступиков встает и обиженным голосом начинает рассказывать, как он пахал целый день, как сам вымерил вспаханное поле, а назавтра — вдруг у него в учетном листке на два гектара меньше. Если это каждый день по два гектара... Черта с два посоревнуешься тут!...

— Тося! Объясните товарищам, — говорит бригадир, переходя почему-то на вы, — почему у вас так получается!

Тося встает, руки ее судорожно комкают платочек, глаза смотрят в

сторону. В эту минуту березовые ветки раздвигаются, сначала показывается голова лошади под дугой, затем вся лошадь с телегой и на телеге грузная фигура Марфы Прокофьевны с вожжами в руках.

Первой видит ее Тося, и ей кажется, что это сон. «Ей-то что здесь нужно?» — в ужасе думает она и тотчас вспоминает, что белье-то она не достирала, сложила в корыто, залила водой и побежала...

— А ну, кто здесь продукты примет? — басит Марфа Прокофьевна.

— Марфа Прокофьевна! — как можно обходительнее говорит бригадир. — Собрание тут у нас. Вы уж извините, придется подождать маленько. Можете, присядете, послушаете? — И он указывает ей на скамью.

— Завсегда так... — начинает она недовольно, но острые ее «бурачки», царапнув по лицам трактористов, вонзаются в смущенную тосиную фигуру и вспыхивают любопытством. Она грузно сползает с телеги и усаживается на скамью рядом с тетей Полей.

— Продолжаем, товарищи, — говорит бригадир. — Тося, вы хотели нам объяснить, почему у вас не ладится с учетом?

Тося мучительно молчит, потом произносит внезапно охрипшим голосом:

— У каждого может быть... Мало ли что... — Она чувствует, что сейчас заплачет, и смолкает.

— Нет, Тося, — говорит бригадир. — Вы нам скажите, что вам мешает!

— Замуж вышла — вот что мешает! — дурашливо выкрикивает кто-то из прицеппиков, но бригадир поводит бровью, и тот прячется за спины товарищей.

«Что мешает?» «Что мешает?» Ну как сказать, что мешает? Тося чувствует, как гулко стучит сердце в груди, как горячая волна заливает шею, лицо, уши... А тут еще эта сидит, сложила руки на животе и смотрит, как на представление...

— Вы же знаете, — строго продолжает бригадир, — что учетчик — второй человек в бригаде! Если бригадир — хозяйка, то она хозяйка. А вы? Отвечайте, Тося!...

«Ну что отвечать? Знает она, конечно, знает... И нечего спрашивать об этом... Нарочно он, что ли, чтобы эта слышала, как ее срамят?»

— Нет, Тимофей, ты ее лучше спроси, где она была в тот день, почему пришла, когда уже темно стало! — мстительно говорит Ступиков.

— Тося, отвечайте, вас спрашивают.

«Где была? Сказать, что ногу свихнула, соврать, что задержалась в бухгалтерии, сведения сдавала? Ну, нет, с какой стати ей врать? Он думает, что запугает ее? Не на такую напал!» Она зло смотрит бригадиру прямо в глаза и, как ей кажется, дерзко, а на самом деле упавшим голосом говорит:

— Где была? Кур на базаре продавала...

Теперь молчат все. Слышно только, как жалобно скрипит скамья оттого, что беспокорно заворочалась

Марфа Прокофьевна. Глазки ее востроенно перебегают со Ступикова на бригадира, с бригадира на Тосю. Она-то помнит, как было дело с курами. Бобылка Куприяниха пришла с базара и все уши прожужжала, что кур с руками отрубают, что цена на них высокая... Она и велела Тоське кур нести на базар. Та ушла чуть свет и пропала. Явилась только к вечеру, бросила деньги на стол и убежала, как угорелая...

— Ты что, девка, в своем уме? — наконец произносит Корякин. — Кур продавала! Это в рабочее время? Да кто ж тебя это заставил?

Сказала бы ему Тося, кто заставил!

— Ну, я поехала, — неожиданно говорит Марфа Прокофьевна. — У вас тут свой разговор. — Она поднимается. Край скамьи, освобожденный от ее тяжести, подсакивает кверху, и Шугров чуть не падает.

— Подождите еще минуточку! — просит бригадир. — Мы сейчас кончаем... — Она скидывает собрание быстрым взглядом и, так как все смотрит на Тосю, а на нее не обращает внимания, нерешительно садится.

Тогда поднимается тетя Поля. Подперев ладонью круглое доброе лицо, она с опаской поглядывает на Марфу Прокофьевну и жалостливо говорит:

— Ну что вы все напали на Тоську?.. Поругали и хватит... Разве ж она по своей воле? Не у матери родной живет, тоже понимать надо... Прошлый год как хорошо работала!.. А теперь прямо половина от девки осталась...

— Что! — грозно поднимается Марфа Прокофьевна, отчего Шугров снова чуть не падает. — Ты что это? Выходит, Тоське у меня хуже, чем у матери? — Она наступая на тетю Полю, уперев кулаки в толстые бока. Тетя Поля сначала пятится, но потом щеки ее вспыхивают.

— А вот так и смею, и смею, и смею! «У нас не хуже, чем у людей, мы самые лучшие!» — передразнивает она. — А думаешь, людям не видно!

Марфа Прокофьевна гудит что-то в ответ, но пронзительный голос тети Поля забивает ее бас. Она отступает и оглядывается. Теперь-то все смотрят на нее, кто с любопытством, кто с удивлением, а кто так же сурово, как бригадир и Корякин.

— Ну, — говорит Марфа Прокофьевна неожиданно, — некогда мне тут с вами прохлаждаться! — И решительно шагает к телеге. Одним махом она сбрасывает на землю мешок с картошкой, куль с мукой, с грохотом стаскивает бидон с молоком и влезает в телегу.

— Ну, ты, пошла, старая! — басит она, свирепо взмахивая вожжами.

Только теперь, словно очнувшись, Тося бросается к ней.

— Мамаша! — кричит она отчаянным голосом. — Подождите... Я скоро... Я сейчас... У меня там белье не постирано...

— Ты куда? — шипит на нее свекровь. — Что ж, у нас постирать, что ли, некому?.. — Она изо всех сил вытягивает лошадь вожжами и, ломая кусты, скрывается за поворотом.

Портрет

Рассказ

Р. СЛУЦКАЯ

В ЭТОТ красивый дом Анастасия перешла из маленького, будто вросшего в землю домика, единственное подслеповатое окошко которого не пропускало света. «Нехорошо колхознице в такой лачуге жить»,—решили колхозники и общими силами выстроили ей новое жилье.

С непривычки новый дом казался Анастасии чересчур большим. Но вскоре она освоилась и жила в радостном сознании того, что вокруг нее так много света, солнца.

По утрам Анастасия заходила в кладовую. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь щели, вспыхивали на зернах пшеницы, кукурузы, зажигали рубиновые огоньки в бутылках с молодым виноградным вином.

Анастасия знала, кому она обязана и этим домом, и этим изобилием, и тем, что так чудесно изменилась ее судьба молдавской батрачки.

...В магазине сельпо она так долго и так придирчиво выбирала краски, что молоденькая продавщица сказала:

— Можно подумать, тетка Анастасия, что вы этими красками собираетесь не шерсть красить, а картину рисовать.

— Так и есть, девонька, так и есть, ты угадала,—улыбнулась Анастасия.

Дома она тщательно развела краски, выбрала самую тонкую, самую нежную шерсть. Окрашенные в яркие тона мотки она повесила сушить на дворе. Как только начинал дуть ветерок, она живо набрасывала на мотки покрывало: от пыли шерсть могла потускнеть, стать жестче.

Каждый день, приходя с работы, Анастасия садилась за станок. Проворно разматывала она яркие клубки, быстрыми, почти неуловимыми движениями продевала нити через густую основу.

По мере того, как прояснялся рисунок, руки ткачихи словно молодели. Анастасия дивилась на себя: она не думала, что ее пальцы сохранили такую гибкость. Разве сосчитаешь, сколько ковров соткали они на своем веку?

Долгие годы много-много ее односельчанок день и ночь, не разгибая спины, ткали ковры для боярина Миреску. Ткала и она, Анастасия. Ночью, особенно ближе к рассвету, глаза сами собой смыкались. Усталые руки не слушались, пальцы становились как бы деревянными. А глаза... От бессонницы, от непрерывного мелькания ярких ниток казалось, будто в них насыпали песок. Нитки выскользывали из рук, цеплялись за основу... Тогда подходила старуха—мать Миреску,— длинными костлявыми пальцами давала щелчок: «Спишь, лентяйка!» Это было очень больно, Анастасия вздрагивала, и не было

Рисунок А. Лурье.

сил продолжать работу, за которую Миреску выдавал несколько горстей кукурузной муки. Но Анастасия не всегда даже могла сварить из нее мамалыгу. Часто, вернувшись домой, она в изнеможении сваливалась на жесткую скамью и сразу же засыпала тяжелым сном...

Совсем иначе Анастасия чувствовала себя теперь. Она то отходила от станка, то подходила совсем близко, пристально вглядывалась в рисунок, волновалась. Хорошо ли подобраны краски? Получатся ли глаза такими, какими должны быть? Ведь ей хочется, чтобы каждый, взглянув на портрет, почувствовал на себе их живость и теплоту.

Она снова садилась за станок, ткала сосредоточенно и увлеченно, силясь вложить в рисунок весь жар своей души, глубину своей благодарности. И вот он готов, ее ковер. Она натянула его на раму и поставила так, чтобы на него падал свет из окна.

Вдоволь налюбовавшись, Анастасия открыла сундук, выбрала самый лучший кусок холста, вернула в него свое сокровище.

В правлении колхоза она подошла к дверям с табличкой: «Партийный комитет», тихонько открыла.

За столом сидел секретарь Тудосэ Рошкану.

— Вот, принесла,—волнуясь, сказала Анастасия, бережно развертывая холст.

С небольшого ковра на секретаря смотрело знакомое, такое родное лицо. Простое, чуть улыбочное, оно казалось освещенным изнутри живым теплым светом.

— Ленин... Это ты выткала, Анастасия?

— Я,—тихо отвечала женщина.

СВЕТЛЫЙ ПУТЬ

Лукерия КАРАКУДА

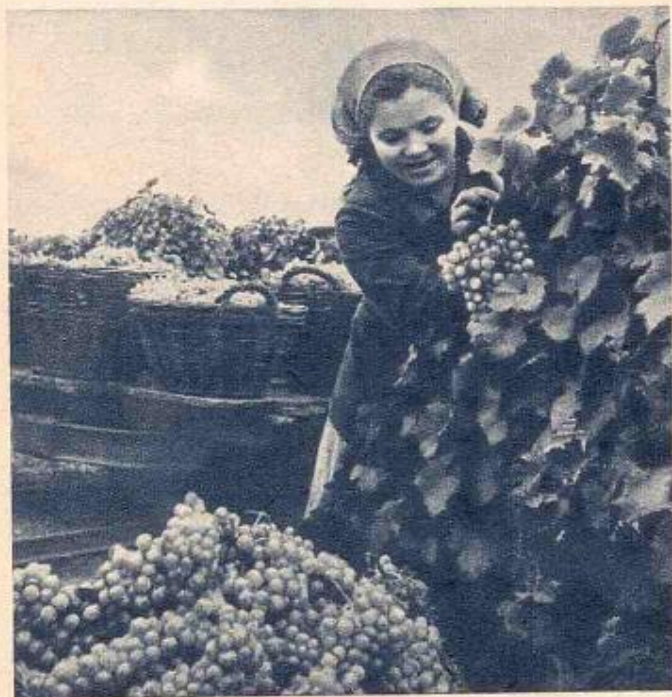
Моя мать всю жизнь работала на хозяйских огородах, работала и я на них с 10-летнего возраста. Надсмотрщики будили нас задолго до рассвета, гнали на поливку огорода. День-деньской на солнцепеке трудились мы до изнеможения. Даже вечером не было у меня минуты покоя. После захода солнца заставляли нас собирать зелень, овощи, фрукты.

Работали мы по 16—18 часов в день, а хозяин да десятники неотступно следили, понукали нас.

«Мы платим вам, чтобы вы работали, а не бездельничали!» — то и дело накидывались они на нас.

От непосильной работы и недоедания мы едва ноги передвигали.

Однажды, голодная, я выдернула морковку. Траян Ончиу, десятник, точно коршун, накинулся на меня, вырвал морковку из рук и давай колотить меня. Бил, пока палку не сломал. А при выдаче полочки удержали с меня за два дня из заработ-

Приятно срезать тяжелые гроздья крупного винограда!

Горы высокосортного хлопка собрали государственные сельскохозяйственные хозяйства Румынии.

За обильно накрытым столом отмечают члены кооператива окончание полевых работ.

ной платы. «За что?» — спрашиваю. «Стоимость палки. Из-за тебя поломал ее господин Траян», — сказал мне хозяин.

Прошло время мрачное, как тяжелый сон, но забыть его невозможно.

Многое изменилось в нашей стране. Теперь нас уважают и ценят за труд. Я горжусь тем, что я огородница, а при старой власти стыдилась этой работы. Окончив школу по ликвидации неграмотности, я прошла курсы повышения квалификации. Вскоре выдвинули меня в бригадиры. А случилось ли когда прежде в нашей стране, чтобы женщина занимала руководящее положение? Никогда не бывало такого! А вот нынче я, простая деревенская женщина, могу руководить, по плечу мне это. Новые передовые методы, которые мы ввели в нашем коллективном хозяйстве, намного облегчили наш труд. Не тащим мы уже больше коромыслом воду из колодцев, есть у нас водопровод, а грядки поливаем из оросительных каналов. Женщины наши добиваются обильных урожаев, хорошенько обдумывают, как бы лучше применить все то, чему учили нас в школе.

В былое время я должна была круглый год трудиться, чтобы купить себе ситцевое платье. А теперь на заработанные деньги да на премиальные вознаграждения я воспитываю своего сына-школьника. На моем иждивении находится мать. Она ведет наше домашнее хозяйство. У нас остается еще достаточно денег на покупку различных вещей домашнего обихода.

В свободные от работы дни вместе с сыном мы бываем в городе, ходим в театр. Кинофильмы смотрим у нас на селе в Доме культуры.

И чем больше видишь, узнаешь нового, тем больше ценишь перемены в новой жизни. Жаль, что нет в живых моего мужа. Порадовался бы он вместе с нами новой жизни, светлому пути, открытому для нашего сына.

Село Куза Вода.
Румынской Народной Республики.

Животноводы заготавливают на зиму сочный корм скоту.

ПРОБУЖДЕНИЕ

1

ЗИМОЙ ЛИ, когда в предутреннем мраке тускло поблескивают фонари и легкие снежинки пушистым ковром покрывают асфальт, летом ли, когда заря зарю догоняет и прозрачный воздух белых ночей дышит ночной прохладой, рано поднимается Невская застава, разбуженная веселой переключкой заводских гудков. Звенят трамваи. В больших, многоэтажных домах хлопают двери. На ходу обмениваясь приветствиями, неторопливой, но спорой походкой людей, привыкших к размеренному трудовому ритму, направляются жители заставы к воротам многочисленных проходных, чтобы занять места у станков и конвейеров, прессов и прядильных машин.

Только схлынет с улиц первый поток, на смену ему приходит другой — шумный и беспечный. Это двинулись в свой ежедневный поход школьники.

Проводив взрослых на работу, детей в школу, появляются на улице хлопотливые, всегда озабоченные домашние хозяйки. Кто на рынок, кто в магазин. Здесь все друг с другом знакомы, продавцов называют по имени-отчеству, да и продавцы знают, чем угодить той или другой хозяйке. Вернутся ребяташки из школы, забегут в обеденный перерыв муж или сын, — на столе уже стоит тарелка горячего супа, лежат горкой теплые, хрустящие оладьи, а в доме чистота и уют.

Анна Никитична просыпается рано, вместе со всей Невской заставой. В соседней комнате уже хлопочет невестка, собирая на работу мужа. Евгений, старший сын Анны Никитичны, старается ходить на цыпочках, чтобы не разбудить мать. Но она уже не спит, прислушивается к разговору гудков. Это машиностроительный... Это «Большевик»... А это наша «Ногинка» голос подает... И обидно ей, что не может, как бывало, вскочить, быстро собраться, заспешить к проходной. Семь десятков за плечами — это не шутка! А мысли, сердце все равно там, в шумных фабричных цехах, где прошла вся ее большая, нелегкая жизнь.

Нет, не ложится Анне Никитичне. Одевшись, гладко причесав черные, едва седеющие волосы, набрасывает она на плечи полушалок и знакомой дорогой — к фабрике. Плечи расправлены. Не согнули их ни годы труда, ни горы забот. Глаза остро, хозяйски оглядывают все вокруг. Строгий сторож у проходной не спрашивает пропуска.

— Как здоровье, Анна Никитична?

И на фабричном дворе, что ни встреча, то приветливая улыбка, дружеский возглас. Согретая ими, Анна Никитична совсем молодой походкой бодро входит в родной цех.

2

Еще тринадцати не сравнялось Нюшке Никитичной, когда отец Никита Прокофьевич привел ее к фабричным воротам. Сняв шапку, он долго и униженно кланялся мастеру. А тот ломался, сбивая це-

ну. Он знал: ни Никите Прокофьевичу, ни его дочке податься некуда, согласятся на любые условия.

Злая нужда выгнала семью Никитиных из родной деревушки. Маленький надел истощенной земли не мог прокормить пяти голодных ртов. А тут еще неурожайный год. Нанялся Никита Прокофьевич сторожем на текстильную фабрику в Переволоках, близ Твери. Сюда же привел сына Павла, а потом и дочь Анну.

Хиленькая девчонка работала по тринадцати часов в день, как взрослая. Платили же ей в два раза меньше, чем взрослому, да еще мастер норовил оштрафовать за каждый пустяк. Продукты покупай только в фабричной лавке. А там заваль, гниль и все втридорога.

Однажды взбунтовались рабочие. Выкатили из хозяйской лавки бочки с тухлой селедкой и давай швырять рыбины в окна дома, где жил управляющий: сам хозяин-то фабрики жил в Петербурге.

Прискакали из Твери городовые с полицмейстером. Стал полицмейстер самолично разгонять толпу и натолкнулся на Нюшу.

— А ты что тут, сопливка, делаешь? — закричал он. — Марш домой, все равно ни черта не понимаешь!

— Все понимаю, — смело возразила Нюша.

Полицейстер расхохотался:

— Понимающая!

— Да, понимаю, что все мы терпим и всем вместе держаться надо.

— Ишь ты, из молодых, да ранняя! — Блюстителю порядка даже побагровел от злости. — Ты еще поплачешь за эти слова!

На фабрике был установлен хитрый «порядок»: перед пасхой всех рабочих рассчитывали, а после праздника набирали будто вновь. При этом сводили счеты: недовольных, активных рабочих на работу не брали. Так и на этот раз: многие участники «селедочного» бунта остались за воротами фабрики.

После пасхи пришел в контору Никита Прокофьевич, а ему там говорят:

— Нет у нас для твоей семьи места... Поблагодари за это дочку.

Пошли отец с Нюшей в Тверь, к полицмейстеру. Но тот был неумолим:

— Я ни при чем. Воля хозяйская. А вам наука...

Брат Павел в Питер подался. Там он устроился на фабрике Паля и вскоре выписал сестру. Стала и Нюша работать в ткацкой у Паля (теперь фабрика имени Ногина).

Невская застава, где поселились брат и сестра Никитиных, была одним из самых промышленных районов Петербурга. Здесь жило много передовых, революционно настроенных рабочих. Еще в 1894—1895 годах молодой Владимир Ильич Ленин руководил тут подпольными рабочими кружками, бывал на рабочих собраниях. Здесь жил замечательный рабочий-революционер, ученик Ленина, Иван Васильевич Бабушкин.

Это имя услышала Анна Никитична от старших товарищей. И они же рассказали ей, как героически вела

себя на суде участница знаменитой забастовки обувцов, восемнадцатилетняя работница Марфа Яковлева, как бросила она в лицо палачам: «Мы стоим за братьев!»

Слышала молодая ткачиха и другие речи, дескать, царь не виноват, он ничего не знает о бедствиях народных. Это царские приспешники вместе с фабрикантами, заводчиками, помещиками грабят и угнетают народ. Надо собраться всем миром, идти к царю. Он разжалобится, положит конец народным мучениям.

Анна вспомнила тверского полицмейстера и подумала: а может, вправду так?

В то время подобные разговоры шли по всему Питеру. Откуда-то выплыл поп Гапон. Он предлагал составить петицию-просьбу и с ней идти к царю. Одно из отделений гапоновского «Собрания русских фабрично-заводских рабочих» было тут же, за Невской заставой, в Смоленском переулке. Там собирався народ, обсуждали текст петиции. Сознательные рабочие, большевики, предупреждали: не верьте сказкам о добреньком царе, вас обманывают, хотя подставить под пули. Но значительная часть рабочих еще верила, что царь им поможет.

Не знала Анна Никитина, не знали тысячи рабочих, поддавшихся на удочку гапоновских агитаторов, что все это дело подстроено полицией. Вызвать безоружных рабочих на улицу, а потом расстрелять их, запугать, потопить в крови назревавшую революцию — вот какой гнусный план был у защитников старого мира.

Ранним утром в морозный воскресный день 9 января 1905 года со всех концов Петербурга двинулись к центру города, к Зимнему дворцу, где жил тогда царь, многотысячные колонны безоружных рабочих. Они шли семьями: с женами, детьми, младенцами на руках. Несли царские портреты и церковные хоругви. Пели молитвы.

В петиции, которую петербургские рабочие хотели передать царю, говорилось:

«Мы, рабочие г. Петербурга, наши жены, дети и беспомощные старцы-родители, пришли к тебе, государь, искать правды и защиты. Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, в нас не признают людей... Мы и терпели, но нас толкают все дальше и дальше в омут нищеты, бесправия и невежества, нас душат деспотизм и произвол... Настал предел терпению. Для нас пришел тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук...»

По-царски встретил рабочих Николай II, которого с этого дня стали называть Николаем кровавым, — нагайками, саблями, пулями. В столицу заранее были стянуты войска и спрятаны в переулках, в проходных дворах. Уланы и казаки на сытых конях врезались в безоружные, мирные толпы, давили, рубили, стреляли. Заснеженные улицы Петербурга из белых стали красными. Тысяча убитых, две тысячи раненых!.. Дорогой ценой уплатил народ за кровавый урок.

Рабочие Невской заставы шли к Дворцовой площади по Шлиссельбургскому проспекту. Навстречу показались казаки, они стали прижимать толпу к берегу Невы. Свистели нагайки, раздавались винтовочные выстрелы. Оцепенев от ужаса, увидела Анна взмыленную грудь лошади.

Потеряв сознание, летит она с обрыва на невиский лед. Подруга подняла ее, привела в чувство. С трудом выбрались наверх. Там плач, стоны и чей-то гневный голос:

— Нам всыпали, но и мы теперь всыпем кому следует.

В тот же вечер на рабочих окраинах Питера стали строиться баррикады. На другой день забастовка сковала весь город. Кровавое воскресенье пробудило, подняло на борьбу десятки, сотни тысяч трудящихся. Началась первая русская революция — генеральная репетиция Октября.

...Поздно вечером возле дома Анну остановил знакомый ткач. Он держал в руках какой-то плоский предмет, завернутый в кусок цветной материи.

— Спрячь, — сказал он, — жандармы шныряют, а моя комната на подозрении.

Это был гектограф. На нем отпечатали прокламацию с гневными словами протеста против кровавой расправы.

Это было первое партийное поручение молодой работницы.

3

В партийном билете Анны Никитичны, в графе «Время вступления в партию», мы читаем: «Январь 1905 года». Полвека в партийном строю, полвека жизни для своего народа, для своей Родины. Прятала гектограф, распространяла по фабрике листовки, охраняла рабочие сходки.

Изо дня в день изнурительный труд, снова жизнь, полная лишений, издевательство мастеров, вызовы в полицейский участок, угрозы жандармов: «На каторге сгноим!..» Спокойно смотрят глаза работницы, спокойно и строго. Но есть в этом спокойном взгляде нечто такое, что заставляло вооруженных до зубов палачей ежиться, отворачивать глаза.

— Меня вы можете стереть с лица земли, — сказала она однажды на допросе в полиции, — нас — никогда.

Она верила в победу революции, и победа пришла. Анна Никитина — первый председатель первого фабричного комитета — хозяйкой проходит между длинными рядами станков. Теперь надо терпеливо разъяснять каждой работнице, что она уже не подневольная «рабочая сила», а полновластная хозяйка и своей фабрики и своей судьбы. Надо учить людей работать на себя, надо оборудовать первые ясли, найти помещение для детского сада, занавес для клубной сцены... Да мало ли забот у председателя фабричного комитета! Но заботы эти радостные, они не старят, а молодят.

...И вот сегодня в красном уголке ткацкой фабрики, где старая работница, теперь уже пенсионерка, беседует с молодежью о прошлом, о памятном «кровавом воскресеньем» — дне народного пробуждения, — как молодо горят ее глаза, а голос попрежнему звонок.

Слушает молодежь «тетю Ньюшу», и горячая волна закипает в груди, хочется прожить жизнь так же красиво и ярко, так же посвятить ее служению великой партии, ее целям, ее идеалам.

С. ГАРБУЗОВ,
А. ДАВИДЯНЦ

Ленинград.

9 ЯНВАРЯ 1905 ГОДА.
Музей Революции СССР.

В. Маковский.

ХОРОШИ СЕМЕНА! Колхоз «Большевик», Опочецкий район, Великолукская область.
Цветное фото А. Шишкина.

ВСЕЛЕННАЯ И ЕЕ СТРОЕНИЕ

В. ШИШАКОВ,

кандидат педагогических наук

ВСЕЛЕННАЯ — это весь мир, все, что существует в мире: Земля, Солнце, бесчисленное множество звезд.

Прежде, когда человек еще очень мало знал об окружающем его мире, когда он не обладал научными, точными, проверенными знаниями, у него складывались глубоко ошибочные, фантастические представления об устройстве вселенной. Лишенный самых простых знаний, человек рисовал картину мира, исходя только из того, что он сам видел. Он видел под ногами неподвижную плоскую землю, которая, как он полагал, несомненно, где-то в далеких краях кончается. Видел человек над землей голубой, недоступный ему купол неба и думал, что это «твердь небесная», опирающаяся где-то вдали на края земли. Видел он Солнце и звезды, движущиеся по небесному своду, и думал, что они прикреплены к «небесной тверди» и движутся над неподвижной Землей.

Так ошибочно и упрощенно представляли люди в прошлом весь мир. Но постепенно, по мере того, как увеличивалось количество наблюдений над окружающим миром, по мере того, как человек глубже проникал в существо наблюдаемых им явлений, складывалось и иное представление о вселенной. Еще задолго до того, как люди совершили первое путешествие вокруг Земли, они установили, что Земля не плоскость, а шар. Еще не поднявшись вверх на воздушных шарах и самолетах, люди пришли к убеждению, что никакой «тверди небесной» не существует, а голубой купол неба видим мы потому, что лучи солнца окрашивают в сине-голубой цвет частички воздуха, ту атмосферу, которая окружает Землю. С изобретением подзорных труб (телескопов) и других сложных приборов человек получил возможность рассмотреть то, чего он не мог прежде увидеть невооруженным глазом. Постепенно сложилась наука о небесных телах — астрономия. Астрономия — одна из древнейших наук. С ее помощью и с помощью других наук — физики, математики — человек получил правильное, основанное на реальных фактах, а не на фантазии, не на вере и вымысле, представление об окружающем мире.

Мы еще не все знаем о вселенной и ее строении. Новые наблюдения, новые приборы, новые опыты уточняют и расширяют наши знания. Все больше неразгаданных «тайн», необъяснимых явлений раскрывается человеком.

Что же мы сейчас знаем о вселенной?

Прежде всего познакомимся с тем уголком вселенной, который расположен ближе всего к нам, к Земле. Еще в XVI веке, более 400 лет назад, гениальный польский ученый Николай Коперник совершил великое открытие: он установил, что не

Солнце движется вокруг Земли, а Земля вокруг Солнца. Коперник открыл, что Солнце является таким центром, вокруг которого движутся несколько небесных тел, называемых планетами. Коперник знал шесть планет, движущихся вокруг Солнца: это Земля, Меркурий, Венера, Марс, Юпитер, Сатурн. Потом были открыты еще три планеты: Уран, Нептун, Плутон (последняя открыта сравнительно недавно, в 1930 году). Вместе с большими планетами вокруг Солнца движутся еще их спутники (Земля имеет одного спутника — Луну, Юпитер — двенадцать спутников). А кроме этих тел, вокруг Солнца движутся планеты-астероиды, а также кометы и иные, совсем крошечные небесные тела.

Солнце и движущиеся вокруг него планеты составляют солнечную систему. Наука установила, что небесные тела с огромной силой притягивают друг друга. Вследствие этого притяжения планеты не удаляются прочь от Солнца. Но они и не падают на него. Не падают потому, что планеты движутся в мировом пространстве с огромной скоростью. Земля, например, движется со скоростью около 30 километров в секунду — раз в двести быстрее самолета. Это движение планет как бы отталкивает их от Солнца. Сила притяжения и сила отталкивания уравновешены, и потому планеты движутся именно вокруг Солнца.

Солнце значительно больше, чем планеты, оно больше Земли по объему в миллион с лишним раз. Кажется же оно нам небольшим круглым диском потому, что нас отделяет от Солнца громадное расстояние — около полутора ста миллионов километров. Столь большое расстояние нам даже трудно представить. Поезду понадобилось бы лет двести, чтобы покрыть такой путь.

Все растения и животные своим существованием целиком обязаны Солнцу: без его света и тепла жизнь неизбежно прекратилась бы. Солнце является единственным источником всех видов энергии, которыми мы постоянно пользуемся в повседневной жизни. И дрова, и каменный уголь, и нефть — любое топливо, теплотворную способность которого мы используем для различных нужд, — это склады накопленной на Земле энергии Солнца. Энергия текущих вод также имеет своим источником солнечную деятельность: это ведь Солнце вызывает круговорот воды в земной атмосфере, испарение влаги с поверхности воды, перемещение воздушных масс, осадки.

Понятно, что Солнце должно быть чрезвычайно раскалено, если даже с огромнейшего расстояния оно посылает так много тепла и света. Установлено, что даже в поверхностных слоях Солнце имеет температуру около 6 тысяч градусов выше нуля. Эта температура приблизительно вдвое выше тем-

пературы электроплавильной печи, в которой все вещества приобретают газообразное состояние. И на Солнце ни одно вещество не может находиться ни в твердом, ни даже в жидком состоянии — все они подобны раскаленным газам.

Если Солнце так превосходит все планеты и так отличается от них по своему физическому состоянию, то девять больших планет более или менее сходны между собой. Наиболее походят друг на друга те планеты, которые ближе находятся к Солнцу. Среди девяти планет Земля занимает третье место по расстоянию от Солнца. Наибольшее сходство с Землей имеют ее соседи Марс (четвертая от Солнца планета) и Венера (вторая). Марс нередко называют «уменьшенным подобием Земли». По объему эта планета меньше Земли почти в 7 раз. Как и Земля, Марс вращается вокруг своей оси, и сутки на Марсе лишь немного длиннее наших, земных. Как и на Земле, на Марсе сменяются времена года. У этой планеты есть атмосферная оболочка, правда, значительно менее плотная, чем у Земли. Венера имеет почти одинаковые с Землей размеры. Ее называют «близнецом Земли». Венеру окружает очень плотная атмосфера с чрезвычайно густой, непроницаемой облачностью.

Таким образом, наука установила, что наша Земля вовсе не является центром мира. Она лишь рядовая планета, схожая с другими планетами солнечной системы. Даже невооруженный глаз человека видит на небе тысячи звезд. И хотя звезды кажутся нам слабыми искорками света, в действительности многие из них значительно больше Солнца. Они кажутся маленькими потому, что даже самые близкие к нам звезды расположены в сотни тысяч и в миллионы раз дальше от Земли, чем Солнце. Так, например, самая яркая звезда на всем небе (она же и одна из самых близких к нам), Сириус, находится на расстоянии в десятки миллиардов километров. Такие расстояния неудобно выражать в километрах. В астрономии принято употреблять для более простого и наглядного выражения больших расстояний другую меру — световой год. Ученые установили, что луч света проходит почти 300 000 километров в секунду. В году 31,5 миллиона секунд. Значит, за год луч света пройдет расстояние почти в 10 миллиардов километров (биллион — это миллион миллионов). Чтобы луч света Сириуса дошел до Земли, требуется около 9 лет! Много? Как будто и не очень. Но есть звезды, отстоящие от нас на расстоянии в тысячи и десятки тысяч световых лет!

Солнце входит в звездную систему, которая состоит из миллиардов звезд, и все они движутся около общего центра, подобно тому, как планеты

движутся вокруг Солнца. Эта звездная система называется нашей Галактикой. Наше Солнце занимает весьма скромное место в Галактике. Оно находится в одной из ее краевых областей. Размеры нашей Галактики грандиозны. Световому лучу нужно почти 100 000 лет, чтобы пройти от края до края Галактики, но, кроме нашей Галактики, есть другие огромные звездные системы, другие миры. Это так называемые внегалактические туманности. Подчас даже на фотоснимках, сделанных в сильнейшие телескопы, они представляются небольшими туманными пятнышками, за что и получили свое название — туманности. Эти туманности в действительности состоят из миллиардов звезд. Каждая такая туманность — это своя звездная система. И таких звездных систем выявлено теперь много десятков миллионов. Расстояние до них выражается головокружительными цифрами — сотнями миллионов световых лет. А за этими далекими звездными системами — еще более отдаленные. И так без конца, без края, потому что вселенная бесконечна.

Вселенная бесконечна! Она не имеет ни начала, ни конца. Вселенная не имеет и возраста: она существовала всегда. Точнее говоря, всегда существовала материя, которая образует в настоящее время все миры, все небесные тела. Меняются только формы, виды, состояния отдельных частей. Продолжают возникать и сейчас звезды-солнца и солнечные системы.

При всем разнообразии звезд, при всех отличиях их друг от друга все они состоят из одного и того же материального вещества, из какого состоит и наша Земля и наше Солнце. Никакой разницы между Землей и «небом» нет. «Небо» представляет собой бесконечное пространство, в котором находится бесчисленное множество небесных тел, одним из которых является наша Земля.

Когда человек не знал правды о вселенной, он испытывал страх перед могучими силами природы. Господствующим классам использовали этот страх в своих целях, в целях удержания эксплуатируемых классов в подчинении. В древние времена жрецы, волхвы и позднее лжеученые-астрологи убеждали, что звезды определяют судьбу людей. Расположением звезд пытались объяснить наступление голода, эпидемических заболеваний, возникновение войн. Наука не оставила места для подобных предрассудков, наука показала, что небесные миры так же материальны, как и Земля.

Изучив законы вселенной, ученые могут уверенно предсказывать такие небесные явления, как затмение Солнца и Луны, предвидеть появление комет. Возможность таких предсказаний доказывает точность наших знаний о вселенной, о природе.

ИСКУССТВО КИТАЙСКОГО НАРОДА

Выставка прикладного искусства Китайской Народной Республики в Москве привлекла внимание многочисленных зрителей.

Китай — страна древнейшей культуры. Еще за несколько столетий до нашей эры, как установлено раскопками, здесь вырабатывали шелковые ткани, создавали художественные изделия из камня, металла, дерева, глины.

Достижения народных мастеров передавались из поколения в поколение. Целые провинции специализировались на изготовлении различных художественных изделий. В Цзиндзжане в настоящее время работает свыше двух тысяч мастеров художественной росписи.

Китай называют страной фарфора, а также страной шелка. Провинции Сычуань, Цзянсу и Чжецзян являются важными центрами производства шелковых тканей.

Производство хлопчатобумажных тканей издавна распространено в сельских районах. Высоко искусство китайских вышивальщиц.

Китайский народ долгие годы страдал под гнетом феодалов и иностранных империалистов. Десятки тысяч китайских мастеров находились без работы, многие из них погибли от голода, замерли отдельные виды прикладного искусства. В настоящее время народное правительство оказывает широкую поддержку творчеству китайских мастеров. За последние два года появилось немало выдающихся произведений.

Прикладное искусство обогащает жизнь народа, приносит радость. Выставка изделий китайских мастеров в Москве говорит о разнообразии их творчества.

На снимках:

«Архитектурный пейзаж» (резное пробковое дерево). Скульптура «Мальчик с гусем и любитель гусей Ван Си-чжи», «Мать с ребенком» (резьба по кости). Скульптура «Я тоже работаю». Фарфоровая ваза. Подушка, вышитая шелком. Коробка с рисунком на черном лаке. Чайный сервиз из фарфора. Плетеные изделия.

ИСКУССТВО КИТАЙСКОГО НАРОДА

На снимках:
Скульптура «Учиться у советской старшей сестры». Панно — вышивка гладью. Штора из бамбука. Скульптура «Лодка в виде дракона».

МАТУШКА

ДЕВУШКА подхлестывает лошадь, и телега, груженная навозом, прыгает по мерзлым комьям земли.

— Эй, матушка Бакулене! Подождите!

Впереди на дороге видна худенькая фигурка в лыжном костюме с большой кожаной сумкой через плечо. На оклик она оборачивается, и я вижу морщинистые щеки и седую прядь, выбившуюся из-под шапки. Бакулене останавливается и ждет. В светлых глазах ее мелькает улыбка.

— Ты опять за письмом, Мария? — произносит она с шутливым испугом. — Я же только вчера тебе принесла.

— Нет, — смеется Мария, — это я ответ написала. Вот деньги на марку.

Бакулене взвешивает на ладони конверт и прячет в сумку.

— Боюсь, что у твоего Иозефа не останется времени заниматься на курсах. Ну, ну, я шучу. Скажи лучше: как у тебя дела?

Девушка поднимает руку.

— Уже пять возов сегодня. И посмотрите!

Отсюда, с пригорка, хорошо видна припорошенная снегом деревенская улица. То из одних, то из других ворот выползают телеги, груженные навозом, и медленно движутся по дороге.

— Вот видишь, — говорит Бакулене, — хорошее дело стоит только начать...

Девушка кивает ей и поворачивает лошадь с дороги в поле. Мы с Бакулене шагаем рядом.

— Славная эта Мария, — говорит она мне так доверительно, словно мы давным-давно знакомы. — Звеньевая у нас на свекле. Скучает она: жених уехал в Каунас на курсы бригадиров. Хотя, пожалуй, теперь ей некогда будет скучать...

И с той же затаенной улыбкой в глазах Бакулене рассказывает, как пришла к ней Мария со своим звеном просить совета, как им быть. Все в колхозе хотят стать участниками Всесоюзной сельскохозяйственной выставки: и свинарки, и доярки, и огородницы, и садоводы. Ездили же прошлым летом в Москву птичники из их колхоза показывать своих белых гусей! А чем свекловичницы хуже? Они тоже хотят поехать в Москву. Тоже, как и все, дали обязательства. Но тут выяснилось, что удобрений им выделили мало. Председатель говорит: надо, чтобы хватило и под овощи и под картофель. Может быть, пойти в район жаловаться?

— Я подумала, подумала и говорю: а почему бы вам не возить навоз от своих коров на общее поле? Еще какая свекла вырастет! Это мы, говорят, сами понимаем. И смотрят в сторону. Вижу я, жалко им своего навоза. Тогда я к Марии. Подумай, говорю, что скажет твой Иозеф, когда он придет, он же отвечает за эту свеклу. Через два дня смотрю: Мария возит навоз. С матерью из-за этого поругалась, но возит. А на нее глядя и другие свекловичницы стали возить. Понимаете, что это значит? Свое отдают на общее дело. Вот какими становятся люди!

БАКУЛЕНЕ

Последние слова она произносит с таким чувством, что я невольно окидываю взглядом ее щедушную фигурку. Кто она, эта Бакулене? Сельский почтальон. Почему же именно к ней пришли женщины за советом и она так близко приняла к сердцу их заботу?

Впереди, среди опущенных инеем деревьев, показываются длинные белые строения.

— Вот и наши фермы,— говорит Бакулене и смотрит на меня: каково впечатление?

Перед нами целый животноводческий городок: свиарники, овчарни, коровники, добротные, на каменных фундаментах, с чисто выбеленными стенами, с конусами силосных башен, с канатами подвесной дороги.

— Хороши? — сияет Бакулене.— А ведь шесть лет назад здесь ничего не было. Люди представления не имели, как они будут жить в колхозе... А теперь...

Она ведет меня на скотный двор и знакомит с заведующим фермой Янулайтесом. Это крупный, уже немолодой человек с широким мужественным лицом и неторопливой речью. Он показывает мне новый телятник, но, по правде говоря, меня больше тянет в пристройку, откуда доносятся женские голоса:

— Бакулене пришла! Здравствуйте, матушка Бакулене!

Там уже полно народу. Бакулене, раскрасневшаяся, оживленная, раздает женщинам газеты.

— Теперь письма,— командует она и читает фамилии на конвертах.— А вот и переводы.

Она достает из сумки чернила и ручку и негромко называет фамилию. Бледная пожилая женщина медленно пробирается к столу и с недоумением смотрит на Бакулене.

— Вам пенсия за сына,— говорит Бакулене.— Вот здесь надо расписаться. Я же вам давно говорила. Еще тогда, когда ходила в райсобес проверять, кому у нас полагается пенсия. Что же вы? Берите.

Женщина берет деньги, долго смотрит на них, потом выходит из пристройки. Бакулене провожает ее взглядом, затем вынимает из сумки следующий перевод. Вслед за переводами Бакулене достает книги и журналы, фотомонтаж о Всесоюзной сельскохозяйственной выставке и, наконец, объявление, которое напоминает всем, всем, всем, что сегодня в клубе будет доклад, выступление колхозного хора и танцы...

— Адели, Она, Альдона, если б вы знали, какие привезли костюмы для хора!

Три сестры — самые молоденькие на ферме дочки и лучшие певуны в хоре — с горящими глазами расспрашивают, какого цвета кофты и юбки, есть ли на них узоры и ленты. Сегодня они будут выступать. Пока Бакулене беседует с девушками, Янулайтес негромко рассказывает мне ее историю.

— Разве вы ничего не слышали о нашей Бакулене? Она еще не старая, наверно, моя ровесница. Их

семья всегда батрачила: она — у одного кулака, муж — у другого, дети — у третьего. Только при Советской власти получили они землю, построили дом. Дочь у нее была Юзе, красивая такая, комсомолка. Работала Юзе женорганизатором. Ходила по деревням, объясняла женщинам, какие права дала им Советская власть. У нас в то время жестокая борьба была: кулаки рыскали по лесам, убивали советских людей. Зимой сорок шестого года они выследили Юзе, когда та ночевала у матери. Двадцать человек пришли в дом в белых халатах, в масках. Избили матушку Бакулене, а Юзе вывели в поле и расстреляли из автомата. Когда хоронили Юзе, матушка Бакулене поклялась над могилой, что будет работать вместо нее. Она вступила в партию и тоже стала женорганизатором. Осенью кулаки поймали ее в лесу и хотели повесить, но ей удалось убежать. Когда организовались колхозы, она стала у нас почтальоном и первым агитатором в колхозе. Я тоже в ее агитбригаде.

Словно в подтверждение его слов, Бакулене подходит к нам и, протягивая Янулайтесу газету, просит:

— Вы бы почитали вслух, а женщины бы послушали. Здесь есть интересная статья о русских доярках...

Янулайтес садится за стол и, откашлявшись, начинает читать. Бакулене же тихонько выходит из комнаты. Мне не хочется терять ее из виду, и я выхожу вслед за ней. Она стоит у дверей телятника и о чем-то разговаривает с женщиной, которая сегодня получила пенсию за сына. Потом она крепко пожимает ей руку, и мы снова шагаем по дороге. Бакулене долго молчит.

— Мать,— говорит она наконец с тяжелым вздохом,— мать никогда не забудет свое дитя. Она спрашивала, что бы ей такое сделать в память погибшего сына...

Она задумывается и говорит как бы про себя:

— А ведь раньше была совсем темная женщина... Да... Прямо на глазах меняются люди... Давно ли я ходила по домам, агитировала, что каждый должен работать. Объясняла, почему нельзя самовольно брать хлеб с колхозного поля... Помню, первый раз привезли к нам на уборку комбайны. Собрались колхозники с косами, кричат: «Не позволим хлеб портить!» Председатель их уговаривает, а они и слушать не хотят. Я тогда говорю: «Давайте немного попробуем, посмотрим». Пошел комбайн, а колхозники за ним: одни землю щупают, не сыплется ли зерно, другие проверяют обмолот, не порчено ли зерно. Потом вскинули косы на плечи и пошли домой... С тех пор не приходится нам агитировать за машины. Все хотят, чтобы их было побольше...

Мы входим в деревню, и Бакулене стучит в дверь крайнего дома. Высокая женщина открывает нам и радушно приглашает в дом. Здесь жарко пылает печь, на стол вывалено пышное тесто. Но в комнате неприглядно, на полу у помойной лохани играют ребятишки.

— Ну, как, Броня, все уже получила по трудодням? — спрашивает Бакулене.

— Все, все. Даже не думала, что так много выйдет. По пять рублей деньгами и по три килограмма

хлеба на трудодень. Больше, чем в прошлом году, хотя осень была такая дождливая...

— Что же ты теперь купишь для дома?

— Зачем это? Нам и так хорошо. Да вы садитесь, что вы стоите? — Женщина вытирает передником скамью. Но Бакулене окидывает критическим взглядом закопченные стены, груды зерна, ссыпанного прямо в угол, и говорит:

— Нет, спасибо, мы только на минуточку. Ты бы не могла зайти со мной к Поле, у меня к вам обeim дело?

Женщина накидывает шубейку, и мы с ней идем в соседний дом. Здесь тоже рады матушке Бакулене. Хозяйка ведет нас по узорным половичкам, усаживает на диван у покрытого скатертью стола. Бакулене хвалит вышивку на скатерти, хвалит новую покупку — шкаф, хвалит диван, чистоту в доме... Она словно забыла, что Броня ждет. И та начинает понимать. Она обиженно поджимает губы, круто поворачивается и хлопает дверью.

— Обиделась, — говорю я.

— Ничего. Обида пройдет. Важно, чтоб она поняла, как должны люди жить. Всю жизнь жила в нищете. Пора теперь отвыкать.

* * *

Вечером я снова встречаю матушку Бакулене в клубе. Она принарядилась, надела коричневое клетчатое платье.

Почти все стулья в клубе уже заняты. Из-за сцены доносится звон гитары, хористы кашляют, пробуют голоса. Пора начинать. Но еще нет докладчика. Матушка Бакулене то и дело выбегает на крыльцо. Наконец приезжает грузовик, и Бакулене вводит докладчика в клуб. Это большой костистый старик, которого матушка Бакулене разыскала в дальнем селе и упростила рассказать колхозникам, как он когда-то ездил в Америку и вернулся оттуда еще беднее, чем был. Старик чувствует себя неловко, он нюхает табак, чихает и не знает, с чего начать. Тогда матушка Бакулене задает ему вопросы. Он отвечает и, увлеченный воспоминаниями, рассказывает о страшном путешествии в чужую страну, где человек бродит без работы, как в темном лесу, и никому нет до него никакого дела. Рассказывает он и историю о том, как однажды вместе со всеми пошел на выборы, а ему накололи по шее... В зале смеются, смеется и докладчик.

— А разве у нас так не бывало при буржуазном правительстве Сметоны? — замечает Янулайтес. — Все еще хорошо помнят...

Край занавеса приподнимается, и кто-то шепотом зовет:

— Матушка Бакулене!

Она на цыпочках идет за сцену, потом пробегает через зал к выходу. И снова она нужна кому-то:

— Матушка Бакулене!

Я смотрю на ее озабоченное, раскрасневшееся лицо, и предо мной возникает обледенелая лесная дорога и на ней маленькая женщина с сумкой через плечо, несущая людям чистое слово правды.

А. ГРИГОРЬЕВА

Колхоз имени Черняховского,
Литовская ССР.

«ФАБРИКА ОВОЩЕЙ»

И. КУДРЕВИЧ,
агроном колхоза «Память Ильича»

В ОТ уже много лет наш подмосковный колхоз «Память Ильича» снабжает население столицы свежими овощами круглый год. Недаром за колхозом справедливо закрепилось название «Фабрика овощей».

Мы выращиваем до 27 различных культур. Круглый год поступают от нас в магазины Москвы зеленый лук, петрушка, сельдерей, огурцы, помидоры, цветная капуста. Огурцы мы сдаем 9–10 месяцев в году, сорта белокочанной капусты у нас подобраны так, что она имеется в колхозе в течение всего года. В июне она поступает из парников, в июле — октябре — из открытого грунта. Сперва идут ранние сорта: «Номер первый», «Колхозница»; потом поспевают средние, как, например, «Слава Грибовская». На зимнее хранение колхоз выращивает «Московскую позднюю» и «Амагер».

В колхозе имеется пять теплиц общей площадью в 1 500 квадратных метров, а теперь поступают в эксплуатацию еще три новые — в 1 200 квадратных метров. Парниковых рам до этого года у нас было 8 500, из них обогрел 1 500 рам производится паром высокого давления. Теперь построено еще 500 рам.

Преимущество парников с паровым обогревом в том, что они, во-первых, не требуют для обогрева навоза, а во-вторых, забирают меньше труда. В минувшем году на одну обычную парниковую раму колхоз затратил 1,34 трудодня, а на раму с техническим обогревом — всего 0,84 трудодня. Урожайность же на этих парниках значительно выше. В 1954 году мы получили в среднем с одной парниковой рамы, обогреваемой навозом, 25,6 килограмма овощей, а с такой же рамы на паровом обогреве — 31,8 килограмма; кроме того, овощи и поспевают здесь раньше.

Овощи из парников начинают у нас поступать с марта. А уже с начала мая начинаем убирать овощи с открытого грунта. С конца мая — начала июня поступают овощи посева текущего года: редис, салат, укроп, шпинат. В конце июня — начале июля убирается цветная капуста, капуста «Номер первый», «Кольраби». Во второй половине июля начинается сбор огурцов, помидоров.

Ценным продуктом питания является цветная капуста. Это летне-осенняя культура, но мы снабжаем ею трудящихся столицы и зимой. При последнем сборе урожай цветной капусты — в конце октября — мы выкапываем с корнями все хорошо облиственные растения, имеющие головки диаметром в 3–8 сантиметров, перевозим их в парники и там прикапываем поперечными рядами, размещая под рамой по 5–6 растений. Здесь капуста дозревает и поступает потребителю с декабря до половины февраля.

Овощеводство — очень выгодное дело. В 1954 году доход колхоза только от парниково-тепличного хозяйства составил 1 миллион 164 тысячи рублей. На каждый трудодень колхозникам выдано по 20 рублей деньгами и по несколько килограммов овощей.

В этом году мы будем выращивать рассаду огурцов и помидоров с дополнительным подсвечиванием при помощи люминесцентных ламп (дневного света), зеркальных ламп и ламп обычного накаливания в подвижной системе, сконструированной инженером Финкельштейном, с применением зеркальных отражателей.

К концу 1955 года решено довести площадь под парниками до 12 000 рам, и не менее 6 000 из них перевести на технический обогрев. Площадь теплиц расширили до 3 500 квадратных метров.

Мы принимаем все меры к тому, чтобы поднять урожай в парниках, теплицах и открытом грунте.

Это позволит нам в новом, 1955 году не только выдать овощи в более ранние сроки, но и значительно снизить их стоимость. Валовый же доход колхоза поднимается до 3 миллионов рублей, а стоимость трудодня — до 30 рублей, не считая натуроплаты.

Москворецкий район,
г. Москва.

Моды

1. Платье из шерстяной ткани. Полочки отрезного лифа с подкройными бочками. Втачной рукав с полукруглой отлетной манжетой. Юбка прямая, с баской. Спереди на юбке двойная встречная складка. Манжеты и лиф отделаны строчкой.

2. Платье из ткани с рисунком в клетку. Лиф отрезной с широкой планкой, выкроенной из материала с косым расположением клеток. Воротник отложной. Рукав длинный, втачной. Юбка четырехшовная из материала с косым расположением клеток. Спереди на юбке шов. В верхней части передних полотнищ образованы карманы. Платье отделано строчкой.

3. Платье из хлопчатобумажной ткани. Отрезной лиф с вытачками от талии и планкой посередине. Рукав втачной с отворотом. Юбка прямая, по талии сильно присборена. Поверх платья, по желанию, надевается жилет, сшитый из плотной ткани. Жилет прилегающей формы. Застежка спереди на пуговицах.

4. Платье для девочки дошкольного возраста. Лиф с четырьмя застроченными складочками. Воротник и бантик из белой отделочной ткани. Юбка книзу сильно расклешена. Спереди на юбке четыре односторонние складки. Прорезной карман с клапаном.

5. Сарафан для девочки школьного возраста. Гладкий закрытый лиф с круглым вырезом ворота. Юбка книзу расклешена, со встречной складкой спереди. Карманы накладные.

КОНКУРС НА ЛУЧШИЙ РАССКАЗ

Редакция журнала «Крестьянка» объявляет конкурс на лучший рассказ.

Темы рассказов: советский патриотизм, участие советских женщин в общественном производстве, проблемы семьи, быта, морали. За лучшие рассказы установлены следующие премии:

Одна первая премия 10 тысяч рублей
Одна вторая премия 7 тысяч рублей
Две третьих премии по 3 тысячи рублей

Размер рассказа не должен превышать 12—14 страниц на машинке.

Срок представления рукописей — до 1 августа 1955 года.

Состав жюри конкурса: С. П. Антонов, М. О. Еремеева, Е. И. Леонтьева (председатель), Г. Е. Николаева, М. С. Шагинян.

Рукописи следует присылать по адресу: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24, редакция журнала «Крестьянка» с пометкой на конверте «На конкурс».

РЕДАКЦИЯ

ЗАСОЛ СВИНИНЫ

Засол свинины производится двумя способами: сухим и мокрым.

Посолка в рассоле: на 100 килограммов мяса взять 8 килограммов соли, 0,8 килограмма сахара, 64 грамма селитры; все это растворить в 18 литрах кипящей воды (необходимо наблюдать, чтобы селитра растворилась вся, иначе ветчина получится ноздреватая).

Предназначенные для посола куски свинины сложить в чистую деревянную кадку и залить холодным рассолом. Чтобы куски не поднимались, их следует прикрыть деревянным кружком с отверстиями и положить сверху легкий груз из чистых камней. Через каждые десять дней засоленные куски перекалывать — нижние наверх и верхние вниз.

Засол продолжается от 6 до 8 недель, в зависимости от величины кусков.

В посолку мясо должно быть положено остывшее (остывшее лучше хранится после посолки), но не мороженое.

При сухом посоле мясо будет менее вкусное, чем в рассоле, но дольше сохраняется.

Куски свинины натирают смесью: на 100 килограммов мяса берут 5 килограммов соли, 2 килограмма сахара, 156 граммов селитры (мелкой).

Натертые этой смесью куски свинины положить на деревянную решетку кожей вниз, в прохладное место. Через несколько дней окорока снова натирают, но количество смеси не увеличивают. Средние и мелкие окорока просаливают

за 2—3 недели, крупные — за 4—5 недель.

Затем свинину вынимают и, отряхнув лишнюю соль, вешают в прохладном месте для подсушивания. Так же подвешивают окорока и из рассола.

После засола окорока следует хорошо закоптить: это предохраняет продукты от порчи и придает им особый вкус. В домашних условиях, когда нет копильни, можно закоптить в дымовой трубе.

ПРИГОТОВЛЕНИЕ КОЛБАС И СОСИСОК

Вынутые из туши и сложенные отдельно кишки обрабатывают следующим способом.

Тонкие кишки перевязывают бечевкой у желудка и у слепой кишки и отрезают. Затем как толстые, так и тонкие кишки осторожно, чтобы не порвать их, отдирают от брыжейки и соскабливают с них жир тупым ножом; затем отжимают — для выделения из них остатков содержимого — и промывают водой.

Промытые кишки кладут в горячую воду (40—50 градусов) часа на 3—4, чтобы кишки отмокли и оболочка легко сдиралась.

Для соскабливания внутреннего слизистого слоя кишки выворачивают при помощи круглой палки. Вывороченные кишки снова замачивают: тонкие кишки в теплой воде, а толстые в горячей — и соскабливают внутреннюю оболочку. Промытые кишки снова выворачивают на лицевую сторону.

Фаршем для набивания кишок служат содержимое головы и разные обрезки. Голова и ноги, ошпаренные и очищенные, идут на изготовление студня.

У жирной свинины на спинной части бывает толстый слой жира; его необходимо срезать и посолить. Пересыпать густо солью без селитры. Просаливается за 1—2 месяца.

СОДЕРЖАНИЕ:

И. Аграновский — Великая школа.
Е. Турова — Прикамский лей.
А. Одинцов — В Мещере.
А. Любимов — За мир и безопасность в Европе.
В наши дни.
М. Виноградова — Счастье в наших руках.
Г. Акуленко, А. Суров — В семье.
Е. Ентушенко — Торговец войной. Стихи.
В одном сельсовете.
А. Елагина — Сор из избы. Рассказ.
Р. Слуцкая — Портрет. Рассказ.
Л. Каракуда — Светлый путь.
С. Гарбузов, А. Давидянц — Пробуждение.
В. Шишаков — Вселенная и ее строение.
Искусство китайского народа.
А. Григорьева — Матушка Бабулене.
Н. Кудревич — «Фабрика овощей».
Моды.
Полезные советы.

ВКЛАДКИ:

«В. И. ЛЕНИН СРЕДИ КРЕСТЬЯН СЕЛА ШУШЕНСКОГО». С картины В. Басова.

«Портрет Героя Социалистического Труда, львоводца АЛЕШИНОЙ А. Д.» С картины художника К. Фролова.

«9 ЯНВАРЯ 1905 ГОДА». С картины В. Маковского.

«Хороши семена!» Цветное фото А. Шишкина.

На первой странице обложки: «У парников». Колхоз «Память Ильича» (г. Москва). На снимке: участники ВСХВ колхозница Мария Мамыкина (слева) и бригадир Мария Киселева. Цветное фото Евгении Скуп.

На четвертой странице обложки: «У елок.» Детский сад колхоза «Закаленный боец», Свердловской области. Цветное фото А. Станова.

Оформление номера Е. Комарова.

Технический редактор Л. Новикова.

К этому номеру дается бесплатное приложение — выкройка женского зимнего платья.

Главный редактор — Е. И. ЛЕОНТЬЕВА. Редакционная коллегия: М. О. ЕРЕМЕЕВА (заместитель главного редактора), И. А. КОБЧИКОВА, Л. Е. ПИШЕНИНА, Е. И. УШАКОВА, М. С. ШАГИНЯН.

Адрес редакции: Москва, Д-47, Ленинградское шоссе, улица «Правды», 24.

№№ телефонов: Д 3-35-35, Д 3-39-48, Д 3-38-03.

А 08070. Подп. к печ. 31/ХП 1954 г. Формат бум. 60×92 $\frac{1}{2}$. 2,75 бум. л. — 5,5 печ. л. Тираж 650 000 экз. Изд. № 69. Заказ 3750.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени Н. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

В МТФ завелась
Скверная привычка:
Здесь делами управляет
Тетя-обезличка.

Очевидно, это дело
И Буренке надоело,
И дает она пока...
По стакану молока.

— Зачем нужна ты, кукуруза!
Мне только лишняя обуза!
— Неправда, горе-председатель,
Ты о скоте забыл нехстати!

Плакаты из серии «Колхозный крокодил» художников М. Ткачева, В. Мещерякова и С. Качальского (г. Челябинск) и из серии «И так бывает» — А. Леонтьева и Ю. Ворогушина (г. Тула).

Цена номера 1 рубль.

